

Александр Толкачёв

Господи, кто я?

Действующие лица:

Харитон Егорович Мироненко - восемьдесят лет.

Зинаида Петровна Мироненко - его жена, семьдесят пять лет.

Людмила - их старшая дочь, сорок шесть лет.

Виктор - муж Людмилы, сорок восемь лет.

Евгения - дочь Людмилы, двадцать лет.

Максим - сосед, “новый русский”, около тридцати лет.

Ирина - младшая дочь Мироненко, 44 года.

Придорожин Владимир Петрович - муж Ирины, пятьдесят лет.

Сергей Придорожин - 18 лет.

Тамара - подруга Ирины, сорок лет.

Егор Егорович Мироненко - старший брат Харитона, восемьдесят два года.

Первый акт

Картина первая

Деревенский дом, в котором прихожая и кухня - единое целое. Раннее утро. Из своей комнаты выходит Харитон, кладёт на стол какие-то бумаги и ручку, молча подходит к раковине, над которой висит рукомойник, моется, вытирает лицо и руки полотенцем. Затем ставит в микроволновку стеклянную кастрюльку с борщом, включает микроволновку и импортный электрический чайник, садится за стол и начинает внимательно рассматривать бумаги.

В это время на кухню выходит его дочь Людмила, одетая и причёсанная.

Людмила. Доброе утро, отец!

Харитон. Доброе утро, дочка! *(Начинает торопливо собирать со стола свои бумаги.)*

Людмила подходит к хлебнице и вынимает из неё тарелку с хлебом.

Людмила. Что это ты с утра пораньше за писанину взялся? Днём времени не хватает, что ли?

Харитон *(смущённо)*. Да это я так... Ночью, понимаешь, не спал, бессонница замучила, вот кое-что и накарябал, а сейчас решил проверить, нет ли ошибок. Ладно, днём проверю и перепишу начисто. *(Быстро собирает бумаги и складывает в конверт.)*

Людмила. Тоже мне, писатель!.. *(Людмила протирает тряпкой стол.)* Матери письмо?

Харитон *(в замешательстве)*. Нет!.. Тут такой случай!.. Годы, понимаешь, идут, а я вот... Ну... Хочу, одним словом, в военных архивах своё дело поднять.

Людмила *(удивлённо)*. Твоё уголовное дело? Зачем? Мало тебе от них досталось в молодости, хочешь, чтобы ещё дерьма подкинули в старости?

Харитон. Так не виновен же я.

Людмила. А им всё равно: виновен – не виновен, раз был судим, значит за дело. Закон обратной силы не имеет. Забыл, что ли, основной закон нашей юриспруденции?

Харитон. Как же, забудешь! Десять лет полностью отдал Родине. От звонка и до звонка.

Людмила. Ну, так чего тогда рыпаться? Скажи спасибо, что жив остался. Завтракать будешь?

Людмила расставляет на столе пустые тарелки.

Харитон (*суёт конверт во внутренний карман пиджака*). Нет. Вначале схожу кроликов покормлю, водички им налью.

Людмила. Далась тебе эти кролики! Проку от них ноль, только время зря убиваешь.

Харитон. А куда мне его теперь девать? Только с животными и возиться, внуки-то уже выросли, правнуков заводить никто не торопится. А кроликов вы не любите потому, что не знаете их и не цените. Ты бы посмотрела, какие они хорошие, красивые, умные!

Людмила (*резко*). Что я, кролов в руках не держала? Хорошие, красивые, а жрут столько, что на них кормов не напасёшься!

Харитон. Это ты зря. Вот сейчас лето, а много мы им кормов покупали? Они же с весны только траву и тальниковые ветки едят. И так до самого снега. А посмотри, какой у них приплод за эти месяцы! Сколько мяса к зиме будет почти что даром. А шкурки!

Людмила. Кому твои шкурки нужны? Вон, за печкой их целый мешок за полгода накопился - раздолье для моли. Дождёшься – все выкину на помойку.

Людмила достаёт ложки и раскладывает их на столе.

Харитон. Эх, жаль, заготконтор сейчас нет, а то бы я их мигом пристроил за хорошие деньги. Вот, думаю, самому, что ли, выделкой шкур заняться? Раньше-то я умел это делать. Шубы кроличьи тебе и матери к зиме сошью, себе - меховую жилетку. А то мать приедет, а у неё ничего тёплого для Сибири нет. Как ты думаешь, правильно я решил, а?

Людмила. Да ладно... Нравится за ними дерьмо подметать - подметай, мне-то что?

Харитон. Как это что? Мне, например, нравится, чтобы в доме хоть какая-то полезная живность была. Тогда себя настоящим хозяином почувствовать можно. Ответственность перед кем-то, она дополнительный стимул к достойной жизни даёт.

Людмила. Ой, ну тебя, отец! Совсем голову задурил, а мне ещё своих будить нужно.

Харитон. Ладно, буди, я пошёл. Борщ сейчас согреется.

Харитон уходит. На кухне появляется муж Людмилы Виктор и сразу идёт к умывальнику.

Людмила. Доброе утро!

Виктор. Доброе!

Людмила (*открывает холодильник*). Котлеты есть будешь?

Виктор. Вообще ничего не хочу.

Людмила. Хоть чай-то попей, а то и ног не потянешь, не то что...

Виктор. Ты на что намекаешь?

Людмила. Тебе намекай, не намекай - бесполезно!

Виктор. Я не кролик, по десять раз за ночь в любви объясняться.

Людмила. Мне бы по-хорошему и одного раза хватило, но каждую ночь.

Виктор. Не многовато?

Людмила. Нет, в самый раз. Помнишь, как раньше-то было?

Виктор. Раньше и вода мокрее была... (*Наскоро вытирает лицо и руки полотенцем.*) Я пошёл.

Людмила. Может, тебе вместе с дедом кролами заняться? Посмотреть, как они это дело делают, попрактиковаться.

Виктор. Будешь донимать, я и тебе, и твоим кролам, и деду - шею сверну. Поняла?

Людмила. Поняла. Только смотри, как бы дед сам тебе чего-нибудь не свернул окончательно. И тебе, и твоей подружке. Он это может. *(Виктор молча уходит, хлопнув дверью.)* Опять к своей выдре пошёл. Чтоб ей пусто было! Тьфу!

Входит Евгения и подходит к умывальнику.

Евгения. Не можете с утра без ругани?

Людмила. Тебе-то, какое дело?

Евгения. Надоели. Поспать лишнюю минуту не дадите.

Людмила. Надоели - уходи!

Евгения. Некуда.

Людмила. Тогда умывайся, садись ешь и помалкивай. Я сейчас борщ достану.

Людмила идёт к микроволновой печи, вынимает из неё кастрюльку с борщом и ставит на обеденный стол.

Евгения. Не хочу.

Людмила. Да вы что все, сдурели, что ли? Никто есть сегодня не хочет!

Евгения. Некогда. И так уже опаздываю.

Людмила *(в сердцах)*. Ну и чёрт с вами! Сама всё съем.

Входит расстроенный Харитон.

Евгения. Привет, дед!

Харитон. Привет, внучка! Вот паразитство, самец как-то к самке перебрался и двух маленьких крольчат загрыз.

Людмила *(смотрится в зеркало и красит губы)*. Что же ты просмотрел дырку-то, кроликовод?

Харитон. Так не было дырки с вечера и сейчас нет. Он, понимаешь, варнак, как-то металлическую сетку оттянул и пролез к ней, к самочке-роженице. Там гвоздочки маленько разогнулись, он и воспользовался этим, кобелина.

Евгения. Не кобелина, а ходок! Настоящий мужик, значит! Ты бы ему, дед, усиленное питание сделал и побольше девочек подпустил. Суперплеменной кролик будет. Глядишь, разбогатеет!

Харитон. Я их и так кормлю на убой.

Евгения. Ну, как знаешь!

Евгения уходит к себе.

Людмила *(отцу)*. Садись, ешь!

Харитон. Сейчас, только руки помою. *(Идёт к умывальнику.)* Вот беда, так беда. Не одно, так другое!.. А что, твои есть не стали?

Людмила *(машет рукой)*. А!

Харитон. Ясно. Ну, давай, позавтракаем. *(Идёт к столу, берёт поварёшку и наливает себе тарелку борща.)*

Выходит Евгения.

Евгения. Я пошла.

Людмила. Когда вернёшься?

Евгения. Часам к одиннадцати, а может, в двенадцать.

Людмила. Не задерживайся. На последний автобус не успеешь, опять пешком пойдёшь.

Евгения. Если опоздаю - позвоню из города. От подруги.

Людмила (*усмехается*). Ну-ну! От подруги! (*Евгения уходит.*) Вся в папу родимого!
Гулёна!

Харитон. Э-хе-хе!.. Молодость, она и есть молодость! Нам их уже не понять.
Присаживайся со мной, Людмила, а то всё остывает.

Людмила. Да нет, я тоже уже опаздываю. Поехала я, отец.

Харитон. Да что вы всё не как люди? И поесть-то толком за одним столом не можете.

Людмила. До вечера! (*Уходит.*)

Харитон. До вечера! О, господи, что же у нас в доме происходит?

Харитон завтракает, и что-то про себя говорит, явно нецензурное. Без стука входит молодой человек. Это сосед, построивший свой коттедж рядом.

Максим. Здорово дневали, казак Харитон, Егорьев сын!

Харитон (*встает навстречу гостю*). А, Максим Алексеевич! Входите, входите, дорогой вы мой!

Максим. Да я ненадолго. Мне с тобой, Харитон Егорович, нужно поговорить.

Харитон. Сейчас?

Максим. Можно и сейчас. Дело-то минутное.

Харитон. Тогда присаживайтесь. Завтракать будете, Максим Алексеевич?

Максим. Спасибо, нет! Только что заправился.

Харитон. Может, чайку попьёте?

Максим. Мне надо ехать. Время.

Харитон. Что за день начинается? Все куда-то торопятся, спешат.

Максим. Выйду на пенсию, тоже сидеть дома буду. Осточертела беготня, вымотала!

Максим говорит громко и, скорее не Харитону, а в дверь, ведущую в комнату Евгении.

Харитон. Так бросили бы всё, занялись чем-нибудь поспокойнее.

Максим. И незаметно снова превращусь в простого русского нищего, в бомжа. Нет уж, пока молодой, лучше побегаю, как савраска без узды, а там, что бог даст!

Харитон. Так какое у вас дело ко мне, Максим Алексеевич?

Максим. Хочу тебя, Харитон Егорович, произвести в мажордомы.

Харитон (*удивлённо*). В кого?

Максим. В главного по моему коттеджу. Сам-то я здесь только на выходные бываю, присмотр за домом нужен. Не дай бог, что случится без меня.

Харитон. А-а! И что я должен делать в вашем коттедже?

Максим. Да, в общем-то, ничего. Присматривай за домом в моё отсутствие, подметай двор, чини забор, если заваливаться начнёт.

Харитон. Хорошая служба. Особенно если на забор посмотреть. Вы же его из бетонных плит сделали. Мне тогда уж и подъёмный кран сюда притараньте, чтобы я с утрачка на нём ваши владения объезжал.

Максим. Будет тебе и кран и полкрана. Что пожелаешь, то и будет. Ты скажи, согласен?

Харитон. Ну, лето – дело ясное, а что зимой в доме делать?

Максим. Зимой? Зимой печку топить, чтобы система не размёрзлась. Дорожки во дворе подметать, чтобы сугробов не намело. У ворот отметать, у гаража. Ну, согласен?

Харитон. Извините, за деликатный вопрос: сколько денег положите?

Максим. Трёх хватит?

Харитон. Чего?

Максим. Трёх тысяч рублей, не долларов же.

Харитон. Хватит. Конечно, хватит!

Максим. Вот ключи от дома, от ворот и от гаража. *(Достаёт из кармана ключи и кладёт на стол.)* А там ты и так всё знаешь. *(Громко.)* Я пошёл.

Харитон. Погодите, погодите! Нужно же какие-то бумаги оформить. Договор составить.

Максим. Какие бумаги? Какой договор? Мы с тобой, дед, как в старину купцы решали: честное купеческое и всё!

Харитон. Ну да, оно так, конечно, было раньше.

Максим. Вот тебе задаток за будущую службу. *(Кладёт на стол деньги.)* Здесь две штуки. Расчёт ровно через месяц. И так каждый раз... Евгения-то дома?

Харитон. Уже ускакала.

Максим. Давно?

Харитон. Минут пять назад.

Максим. Понятно. Хотел подвести до города. Ну, пока, старик!

Харитон. Пока! То есть, до свидания! *(Максим быстро уходит.)* Ну и утречко! Не сходя с места, на старости лет работу нашёл. Ай да, Максим! Ай да, “новый русский”! Пойти посмотреть, что ли, что он там мне оставил на сохранение?.. Господи, а что смотреть-то? Не видел я, что ли его хозяйство? Ладно!.. Вот только приберу со стола и пойду. *(Начинает убирать со стола всё то, что приготовила Людмила. Звонит телефонный звонок. Харитон берёт трубку.)* Вас слушают!.. *(Радостно.)* Зина? Здравствуй, родная!.. Ну, как у тебя там, когда ждать к нам?.. Неизвестно?.. Никто не хочет покупать дом?.. Да брось ты его, к чёртовой бабушке, приезжай так! Пусть они им подавятся, братья наши меньшие!.. Приезжай, я уже давно соскучился! И все мы за тебя скучаем... Не хотят покупать за нашу цену?.. Да отдавай, за какую хотят!.. Что?.. Вообще хотят взять бесплатно? Всё равно, мол, бросим?.. Вот оно как!.. Всё равно приезжай, родная, не расстраивайся! Здесь этих нацменов нет. Здесь Россия. С голоду без них не умрём. Мы все тебя ждём, голубушка моя... До свидания!.. *(Кладёт трубку на аппарат.)* Сколько же можно терпеть!.. Сколько же можно?.. И дом, и сад... И всё задарма... Всё прахом!.. И всё им мало!.. Мало! Нет, надо что-то делать. Надо что-то делать! *(Быстро убирает со стола остатки посуды, вытирает стол тряпкой, достаёт конверт и ручку. Взяв ручку, задумывается на мгновение и начинает медленно писать, повторяя написанное вслух. С каждой фразой он всё заметнее волнуется и, наконец, встаёт и ходит по комнате, громко произнося наболевшее, но ничего не записывая на бумаге.)* Южно-Уральский военный округ, город Самара, военная прокуратура... Я, Мироненко Харитон Егорович, 1924 года рождения, пошёл добровольцем на фронт в сентябре 1941 года, в составе 8-го казачьего кавалерийского полка... В начале 1943 года попал в окружение под Харьковом... В лагере военнопленных был зачислен в рабочую команду, которая затем была придана в качестве хозяйки вермахту. В карательных акциях против партизан и в боевых действиях против Советской армии не участвовал... А в конце обязательно нужно написать так: “Я целый год воевал против немцев на передовой, награждён медалью “За отвагу”, так почему я не являюсь участником Великой Отечественной войны? Давно реабилитированы настоящие враги народа, почему нас, бывших военнопленных, до сих пор называют предателями? Где правда? Где справедливость”?.. И вот пусть это и будет началом... Началом моего иска к государству Российскому, за мою исковерканную человеческую жизнь. Искать по совести... По справедливости.

Во дворе слышен шум, грохот чего-то упавшего и в дом вбегает Евгения, за ней входит Максим, держась рукой за щёку.

Евгения. Да отвяжись ты от меня, постылый! Отвяжись!

Харитон. В чём дело, Евгения?

Евгения. Да вот, пристал на остановке: давай, подвезу! А я не хочу с ним ехать. Не хочу!

Харитон. Ну, не хочешь ехать, так и не езд.

Евгения. Это ты ему скажи! А то он русских слов-то не понимает. Больше привык пальцами по воздуху китайские иероглифы выписывать.

Максим. А что тут такого? Хотел предложить, по-соседски, подвести, а она по лицу царапнула. Совсем ошалела!

Евгения. Хватать за что попало не следует, тогда и рожа наглая цела будет!

Харитон. Конечно, это ваше дело, молодое, но я бы, Максим Алексеевич, на вашем месте сейчас взял и ушёл.

Максим. Что?.. И ты туда же, старый хрыч? Я тебя зачем нанял? Зачем деньги заплатил?.. Да я вас всех тут под корень выведу! Тоже мне, соседи!

Харитон достаёт из кармана две тысячи и отдаёт их Максиму.

Харитон. Возьмите, Максим Алексеевич, свои деньги и найдите себе другого мажордома, у которого совсем совести нет.

Максим. Ах, вот как? *(Забирает деньги.)* Ну, погодите, вы у меня ещё попляшете, голодранцы паршивые!

Харитон *(берёт со стола большой кухонный нож и ставит его острием на столешницу.)* Я всё сказал. Или вы меня не поняли, Максим Алексеевич?

Максим *(видит, что старик не шутит)* Вы у меня... *(Пятится к двери.)*... попляшете... Чокнутые!

Максим уходит и почти сразу после его ухода слышен рёв отъезжающей автомашины.

Евгения. Спасибо, деда!

Харитон. За что?

Евгения. За деньги.

Харитон. Не всё можно купить, внучка, не всё! На работу-то пойдёшь?

Евгения. Конечно! Хоть опоздаю, но приеду.

Харитон. Тогда, давай, я тебя до остановки провожу. Мало ли что!

Евгения. Не волнуйся! Он уже уехал на своём задрипанном джипе... Но ты всё равно проводи. Мне даже приятно будет, ей Богу! А то будешь переживать, как я доеду. Я же знаю!

Харитон. А ты позвони, я и беспокоится не буду.

Евгения. Ладно, позвоню.

Харитон. Я сейчас... Я только бумаги соберу... *(Харитон суетливо собирает бумаги.)*

Евгения. Что это?

Харитон. Да так... Письма надо по инстанциям направить.

Евгения. Всё по дому хлопочешь?

Харитон. На дом я уже наплевал! Не первый раз кулачат. Переживём и это.

Евгения. Ох, дедуля, смотрю я на тебя и думаю: где бы мне такую выносливость и терпение взять?

Харитон. А ты не думай, ты терпи, и всё будет ладушки. Бог терпел и нам велел! Пошли, внучка!

Евгения. Пойдём, терпеливый ты мой кавалер! *(Обнимает деда.)* Эх, где бы мне такого мужичка лет на пятьдесят помоложе достать?

Харитон. Таких как я, жизнь поштучно лепит. Штамповкой не занимается.

Евгения. То-то я никого похожего на тебя не вижу.

Харитон. Плохо ищешь!

Евгения. Да нет, стараюсь, что есть мочи стараюсь! Нету! Нетути!

Харитон. А может, оно и к лучшему, что нет? Знаешь, каждому времени - свой фрукт.

Евгения. Может, ты и прав. Пошли, любимый!

Харитон. Пошли!

Картина вторая

Всё та же кухня-прихожая в доме Людмилы. Хозяйка только что пришла с работы и быстро распаковывает покупки. Почти вслед за женой приходит и Виктор. Виктор снимает рабочую одежду и моет руки.

Людмила. Что-то ты сегодня рано, парень!

Виктор. Хозяин в командировку улетел до понедельника. У меня, вроде, как отгул на эти дни получился.

Людмила. Теперь ты, значит, свободная птица. Может, наконец, с дедом в огороде порядок наведёте?

Виктор. А какой там порядок наводить? Дед и так всё справно держит: парник в норме, грядки выполоты. Кролики у него всегда сыты. Чего ещё-то надо?

Людмила. В хозяйстве всегда найдётся работа. Клубнику пора пересаживать, совсем захирела, ей уже лет шесть, наверное.

Виктор. Ну да, дурная работа дураков любит. Кто у нас её ест-то, твою клубнику? Всё лето на ней только дрозды и пируют. Насадил целую сотку, на кой она кому нужна?

Людмила. Тебе, может быть, и не нужна, а я её ем. И варенье, между прочим, по пятнадцать-двадцать литров навариваю.

Виктор. Ага! Оно в подполе по три года стоит, киснет. Уже всё засахарилось и вином попахивает. Отдай соседям, пусть хоть самогонку сварят. Чего добру зря пропадать? Заодно и банки освободятся под новый урожай.

Людмила. Ладно, не хочешь на огороде работать - не надо. Сама всё сделаю. Есть будешь?

Виктор. А что есть?

Людмила. Копчёная колбаса, красная рыба, фрукты...

Виктор. Сколько это стоит?

Людмила. Не считала.

Виктор. Почему?

Людмила. По кочану! Захотела поесть, зашла и купила. Буду я ещё считать! Есть деньги - покупаю, нет - дальше иду. Будешь ужинать?

Виктор. Нет, спасибо! У меня денег нет. Мне нечем платить.

Людмила. За что платить-то? Кому?

Виктор. Тебе, за обед.

Людмила. Ты что, совсем чокнулся? Я же уже всё купила?

Виктор. Это ты купила, а не я. Ты!

Людмила. Что-то я совсем ничего не понимаю: у нас что, не семья или мы в уже разводе?

Виктор. Пока ещё нет.

Людмила. Пока?.. Ага!.. Понятно, хотя... Хотя ничего мне не понятно... Ты уходишь... к своей?

Виктор. К кому, "к своей"?

Людмила. Ну, к этой... К нашей разлучнице.

Виктор. Нет.

Людмила. Тогда, что происходит? Я последние годы тебя просто не понимаю. В чём дело? Объясни. Скажи, наконец, что с тобой делается, милый ты мой?

Виктор. Ничего. Просто, я буду теперь жить отдельно.

Людмила. Совсем?

Виктор. В одной комнате с тобой, но все расходы на себя будут из моего заработка.

Людмила. Да? Как интересно! И сколько ты получаешь?

Виктор. Я тебе уже говорил: пять тысяч.

Людмила. Не ври. Я тут как-то нашла у тебя в кармане твою расчётку, в ней восемь.

Виктор. А хоть и восемь, зато все мои, честно мною заработанные.

Людмила. Ах, вот оно что? Значит, ты считаешь, что если я бросила школу, и пять лет зимой и летом пахала на рынке, значит, я не работала? Значит, это я у кого-то своровала деньги и на них киоск выкупила? Ты же в университете марксизма-ленинизма не учился, откуда у тебя эти глупые мысли о первоначальном капитале?

Виктор. Я вообще в университетах не учился. Я шофёр. Обыкновенный наёмный работяга. И я не хочу быть никому обузой. Ты это можешь понять?

Людмила. Послушай, ты чего передо мной хвост пушишь? Чего туман наводишь? “Не хочу никому быть обузой”! А что же ты тогда не платишь за свет? Налоги за дом и землю? Ты же мужик богатый, у тебя целых восемь тысяч месячная зарплата!

Виктор. Я на этот дом полжизни положил и всегда за всё платил. Теперь твоя очередь. Ты теперь хозяйка в доме.

Людмила. Ах, вот оно что! Так ты бы сразу об этом и сказал: я, мол, всё, умываю руки. А то молчит, как рыба, понимаешь!

Виктор. Я всё сказал.

Виктор пытается уйти в свою комнату, но Людмила преграждает ему дорогу.

Людмила. Нет, не всё, постой! Это, значит, ты сейчас будешь жить со мной в одной комнате просто так, а как же наши супружеские обязанности? Тоже через кошелёк?

Виктор. Если хочешь, можно и через кошелёк.

Людмила. И кто же кому платить будет? Я тебя спрашиваю, кто: ты или я?

Виктор. Если хочешь, можем и развестись официально.

Людмила. И снова жить с тобой под одной крышей?

Виктор. Можно продать дом.

Людмила. А вот это видел? *(Показывает фигу.)* Дом не твой, а моей матери. Он ей от её родителей остался. Так что, не хочешь жить - катись отсюда, к едрени фени! Козёл вонючий!

Виктор. Ну ты!.. Себя бы понюхала, коза!

Людмила. Я сказала - катись! Если меня не любишь, так хоть о дочери подумай.

Виктор. Да пошла ты!.. Вместе с дочерью. Барыга придурочная!

Виктор хватая куртку, кепку и быстро уходит из дома.

Людмила. Господи! Да что же это такое? Да что же с ним, проклятым, происходит?

Картина третья

В дом входят Зинаида, Харитон, Людмила, Сергей и Ирина. В руках Сергея и Людмилы небольшой багаж Зинаиды. Зинаида, вошедшая первой, останавливается посреди кухни-прихожей, вслед за ней вынуждены остановиться и остальные.

Зинаида. Ну, слава тебе, Господи! Наконец-то, я в России.

Людмила. Мама, ты дома.

Зинаида. Разве это не одно и то же? *(По привычке смотрит в угол, в котором раньше висели иконы и не находит в нём икон.)* Что же живёте, как нехристи? Даже иконы нигде нет. *(Истово крестится в красный угол.)*

Людмила. Хочешь - повесь, мне всё равно.

Зинаида. То-то и оно, что всё равно! Раньше-то у нас целый иконостас в углу висел с лампадой. И в большой комнате тоже. Куда иконы-то дели?

Харитон *(не давая ответить Людмиле.)* Чего стоим? Не на вокзале. Проходите в комнату.

Зинаида. Дай, хоть, родной воздух вдохнуть у дверей!

Сергей. Ну, вы вдыхайте, что хотите, а мне уже некогда. *(Проходит в комнату.)* Ваши вещи я вот сюда поставил. *(Ставит баул у входа в комнату, за дверь.)* Всё, я ушёл. У меня цейтнот.

Зинаида. Кто у тебя?

Сергей. Мне просто нужно по делам, бабуля. Понятно?

Зинаида. Понятно. Как с бабушкой-то разговариваешь, внучек?

Сергей. Уважаемая бабушка, Зинаида Петровна, у меня сегодня важное мероприятие в одном государственном учреждении. Мне нельзя опаздывать.

Ирина. Мама, у Серёжи сегодня экзамен в институте.

Зинаида. Экзамен? Ладно, иди, шалопай! И учишься разговаривать со старшими. В жизни может пригодится.

Сергей. Спасибо, бабуля! Приму к сведению. Всем привет!

Людмила *(Сергею)*. Может, чай попьёшь?

Сергей. Нет, спасибо! До свидания!

Людмила. До свидания!

Харитон *(Сергею)*. Вечером приходи, посидим, поужинаем.

Сергей. Я подумаю. *(Уходит.)*

Зинаида *(Ирине)*. Ты бы с ним поостроже, а то больно паренёк на язычок остёр.

Ирина. Просто у него сегодня экзамен. Не обращай внимания!

Зинаида. Ну-ну! Смотрю на тебя, и что-то ты мне не нравишься.

Ирина. В каком смысле?

Зинаида *(внимательно смотрит на Ирину)*. Бледная ты что-то... Не больна?

Ирина. Да нет. С чего ты взяла?

Зинаида. Предчувствие у меня нехорошее... Сходи, на всякий случай, в больницу, проверься.

Ирина. Мама, я сама врач.

Зинаида. Знаю. Я тебе всё сказала. Решай сама.

Харитон. А чего мы, правда, стоим у порога? Давайте, проходите, проходите!

Зинаида *(по хозяйски осматривает дом)*. Постарел, однако, дом, постарел!

Харитон. Так и мы не помолодели.

Зинаида. Я в зеркало давно не смотрюсь, мне и не видно, постарела я или нет.

Харитон. Для меня ты всегда девчонка, которую я встретил именно на этой улице семьдесят лет назад.

Зинаида. Верю, только надо бы домишко-то Людмиле ремонтировать. Хоть подкрашивать, если на большее денег нет.

Людмила. Ой, мама, у меня такое в семье, не до ремонта, ей богу!

Людмила включает чайник и ставит на стол чайные чашки, сахарницу, печенье.

Зинаида. Гуляет?

Людмила. Не то слово!

Зинаида. Ну что ж, все мужики грешные люди.

Харитон. Ты что, Зина, родного воздуха объелась?

Зинаида. Молчи, а то я, будто бы, про тебя ничего не знаю?

Харитон. Чего ты про меня знаешь? Ты что, белены объелась? Хоть детей постесняйся!

Зинаида. Сказала, молчи, значит, молчи!.. У наших детей скоро уже свои внуки будут. Чего их стесняться?.. У тебя-то, Ирина, как?

Ирина. А что у меня? У меня всё нормально. Мой не ходит.

Зинаида. М-да!.. Хороший человек Владимир... Не везёт только вам.

Ирина. Нам везёт и даже очень. Мы всем довольны и ничего о своей семье я слышать больше не хочу. Понятно?

Зинаида. Не сердись! Я такая заведённая этим... переездом... *(Садится на стул. Харитону.)*
Помнишь, когда в пятьдесят шестом приехали туда, как к нам эти местные относились?

Харитон. Ну, как же! Меня старшим братом называли. А после Горбачёва уже по другому запели: “Один палка два струна. Я хозяин вся страна”!

Зинаида. Это ещё что? За последний год, что тебя там не было, вообще обнаглели. Русских за людей не считают. Даже те, кому за всю жизнь только добро делала, все озлобились. На наш дом столько хозяев сразу нашлось...

Харитон. Забуди!

Зинаида *(в сердцах)*. Да как забыть-то? Ведь по камешку собирали, по кирпичику! Всё своим трудом, своим горбом! Всем наперекор: и родным, и властям... Будь они не ладны!

Харитон. Забуди! С собой в могилу ничего не возьмём.

Зинаида. А я умирать не собираюсь. Буду жить столько, сколько бог даст. Вон сколько моих супротивников Господь к себе забрал, а я ещё здесь поживу. Я ещё хочу правнуков понянчить.

Харитон. Да живи сколько хочешь, только забудь про всё, иначе съедят тебя злоба и ненависть раньше времени.

Зинаида. Легко сказать - забудь!

Харитон. А ты не говори. Ты живи с добром и всё будет хорошо.

Ирина. Ладно, мама, я пойду. Мне пора.

Людмила. А для кого я чай грею?

Ирина. Вон, мать с дороги, ей нужно хорошего крепкого чаю для бодрости.

Зинаида. Вечером приходите всей семьёй. Посидим, поговорим все вместе.

Ирина. Хорошо, приедем. Серёжке скажу, чтобы машину приготовил. До вечера!

Ирина целует мать.

Людмила, Харитон и Зинаида *(все вместе)*: До вечера!

Ирина уходит, и некоторое время все сидят молча, только Людмила разливает чай по чашкам.

Людмила. Я рада, что вы теперь вместе.

Харитон. Я тоже.

Зинаида. Господи, знали бы вы, как мне там этот год было одиноко и тяжело! Я иногда на тебя, Харитоша, так зла там была... Кажется, попадись ты мне под горячую руку, убила бы!

Харитон. За что? Мы же так с тобой ещё год назад решили, что ехать первому нужно мне. Посмотреть, что, да как!

Зинаида. Да помню я всё, а вот... Видно, такая у меня натура: искать виноватого в моих бедах.

Харитон. Разве это беды? Это всё так... Крупные мелочи. Всё мы с тобой, Зина, переживём в этой жизни и всем назло будем счастливы.

Людмила. Гляжу я на вас и думаю: с луны вы свалились, что ли?

Зинаида. Почему с луны?

Людмила. Мы со своим за двадцать три года такое сотворили со своей жизнью, что не приведи Господь, а вы семьдесят лет друг друга знаете и словно первый год вместе живёте!

Зинаида. Старое вино всегда лучше молодого.

Харитон. Это, конечно, так, если тару не менять.

Картина шестая

Харитон сидит у окна и подшивает валенок. В руках у него шило и дратва. На груди большой, выдавший виды фартук из дерматина. Рядом с ним на табурете вар, из старых валенок вырезанные подошвы, сапожный нож, брусок. Здесь же и миниатюрный переносной радиоприёмник, из которого льётся мелодия то ли старинной песни, то ли романса.

Входит высокий старик и останавливается в дверях. Харитон его не видит. И старик некоторое время рассматривает Харитона молча. Это Егор. Он хорошо и со вкусом одет.

Егор (*громко*). К вам можно?

Харитон (*отрывается от работы*). Входите, не заперто! (*Выключает радиоприёмник.*)

Егор. Харитон Егорович Мироненко дома?

Харитон. Дома.

Егор. Здравствуй, Харитоша!

Харитон (*с трудом узнавая*). Егор? Ты?

Егор. Он самый: Егор Егорович Мироненко.

Харитон встаёт, и валенок, вместе с шилом, падает ему под ноги. Егор, заметно прихрамывая, первым делает шаг к Харитону и братья обнимаются.

Харитон (*сквозь слёзы*). Егорка!.. Егорушка!.. Простил, значит?

Егор резко освобождается от объятий брата, отходит от него и вытирает рукой слезы с лица.

Егор. Повидаться приехал на прощание.

Харитон. А я думал...

Егор (*сухо*). Думать никому не запрещено... Рак у меня. Немного жить осталось, а мы с тобой только вдвоём из всех наших на Земле. Захотел напоследок родную кровинушку увидеть вблизи.

Харитон (*с надеждой*). Может, ошибка?

Егор. Нет, какая ошибка? У меня жена врач. Она врать не будет. (*Всматривается в брата.*) Обличьем-то ты весь в материнскую породу пошёл: и лицом и ростом. Вылитый дядя Филипп в старости... Твои-то где?

Харитон. Кто где... Дочь Люда, у которой квартирую уже почти год, с зятем и внучкой на работе. Жена недавно вернулась в Россию, сейчас у Ирины, младшей дочери... Один я в доме хозяйством занимаюсь. Усадьбу стерегу, обеды варю. Есть хочешь? Сегодня у меня щи домашние и макароны флотские. Дежурные домашние блюда.

Егор (*оглядывает квартиру*). Небогато живёте.

Харитон. А кто сейчас живёт богато?

Егор. Да есть сукины сыны, жируют на нашей бедности.

Харитон. Значит, я не сукин сын.

Егор. Ты?.. А кто тебе это сказал?

Харитон (*зло*). Ты зачем приехал? Я тебя в дом к себе не звал. И тебя в твоём доме не оскорблял ни разу. Что тебе от меня надо?

Егор. Если бы знал что, сказал бы. (*Садится на стул, на котором до этого сидел Харитон, поднимает упавшие валенок и шило.*) Не знаю, брат, зачем приехал, зачем на тебя голос повышаю. Извини!

Харитон (*примирительно*). Водку пьёшь?

Егор. Нет. Спасибо! Своё уже отпил.

Харитон. А чай?

Егор. Накапай чашечку. Погуще.

Харитон включает импортный электрический чайник.

Харитон. Тебе сахар насыпать или сам положишь?

Егор. Сам.

Харитон ставит на стол чайные чашки, ложечки и сахарницу.

Харитон. Помнишь, до войны сахар был кусковой?

Егор. Как не помнить? Только у нас на столе его не часто видели.

Харитон. А всё равно всё самое приятное в том времени осталось. В довоенном.

Егор. Для кого как.

Вскипел чайник, Харитон разливает кипяток по чашкам и добавляет в них чай из маленького заварного чайника.

Харитон. Чай, извини, не магазинный. Свой, из смородины.

Егор. А это и хорошо. Смородина детством пахнет

Харитон. Шанежки будешь?

Егор. Твоя, что ли, мастерица настряпала?

Харитон. Мы и сами от скуки на все руки.

Егор. Вот оно что!.. Нет, спасибо. Я в последнее время почти ничего не ем. Не лезет.

Харитон. Говорят, травки помогают. Бабки в деревнях заговоры знают...

Егор. Поздно... Всё уже поздно, Харитоша. Ушёл, как говорится, мой поезд в будущее без меня. Да и то сказать, зажились мы с тобой, брат, на этом свете. Зажились! По девятому десятку разменяли. Почитай, всех родственников пережили.

Харитон. Не гневи бога, Егор! Живи, сколько сможешь прожить, и радуйся каждому дню, как последнему.

Егор. Хорошая мысль, оригинальная. Это где ты такую откопал, где вычитал?

Харитон. Следовательно со мною на допросах между побоями знаниями делился, вот я и запомнил кое-что из его науки на всю жизнь. Умный, гад, был, говорил, что до революции на философа учился в университете.

Егор. Как же его свои-то не шлёпнули?

Харитон. За что?

Егор. Чуждый элемент был наших в органах. Вот за что!

Харитон. Нет, он был им свой. Даже слишком свой.

Егор. Ну, не знаю... В тюрьме не сидел. На допросах не бывал. Ваших зековских порядков не знал и не знаю.

Харитон. Век бы там никому не бывать и никаких тамошних порядков не знать!

Егор. И опять ты не прав! Совсем бы народ тогда опаскудился, поголовно в бомжей превратился.

Харитон. А может, наоборот, чище бы жить стал, нравственнее?

Егор. Нашёл, где нравственность искать! Ты ещё скажи, что в плену все хранили честь и достоинство советского солдата.

Харитон. В плену трудно сохранять достоинство.

Егор. Тебе это лучше знать.

Харитон. Да, мне знать лучше... Не всем так везёт в жизни, чтобы к концу её... так много знать о ней.

Егор. Не все хотят жить любой ценой. Вот что!

Харитон. Не все. Это ты правильно сказал. А ты сам-то знаешь эту цену? Цену моей жизни?

Егор. Не знаю, и знать не хочу.

Харитон. Я думал, годы тебя хоть немного научили уму-разуму.

Егор. А в чём ты видишь мою глупость?

Харитон. Да нет, не глупость. Таких, как ты - пруд пруди!

Егор. А таких, как ты?

Харитон. Таких, как я, может быть, и совсем уже не осталось. Я, может, последний и единственный в своём роде

Егор. Ну, губу-то сильно не раскатывай на свою исключительность. На мастодонта ты не очень похож. *(Усмехается.)*

Харитон. Не в росте дело, а в сути.

Егор. Да и в сути тоже. Кого ты хочешь разжалобить пленом? Я что, в это время бабу щупал на печи? Или водку в тылу литрами глотал? Я почти всю войну от начала до конца на своих плечах вытащил, пока ногу под Берлином не потерял.

Харитон. А я не про плен, где два месяца за колючей проволокой медленно превращался в голодное, гнусное и отвратительное животное. И даже не про наши лагеря, где остались мои десять лет молодости. Я вообще... про нашу с тобой судьбу. Про наш старинный казачий род.

Егор. Да, слышал я, говорили мне, что ты снова закаказовал. Войны мало? Совсем сдурел на старости лет?

Харитон. Это как сказать!

Егор. А как ни говори, всё пустое! Старое ушло и назад его уже не вернуть. Разве ты этого не понял там, у немцев?

Харитон. Наш комдив, генерал фон Панвиц, говорил и поступал иначе.

Егор *(презрительно)*. Ваш генерал Фон Панвиц!.. Фон!.. Панвиц!.. Ты хоть сейчас-то можешь осознать, что его уже нет в живых, твоего немецкого атамана? Что его давно повесили, вместе с генералом Красновым и прочими предателями Родины.

Харитон *(спокойно)*. Родина фон Панвица - Германия. Он с нами по-русски говорил через переводчика. И говорил то, что сейчас любой дерьмократ-перевёртыш вопит у каждого угла. И он мог бы остаться в живых после войны, если бы предал нас, своих казаков, и остался в плену у англичан. Сотни советских генералов сдались немцам в сорок первом, спасая свои шкуры и губя русских солдат. Да что говорить о прошлом! Многие бы нынешние генералы-демократы поступили так, как фон Панвиц тогда?

Егор. Да чёрт с ней, с твоей Германией и с твоим фон Панвицем! Ты-то где сейчас живёшь: у нас или у них? У русских или у фашистов?

Харитон. Скажи мне, вот мы вместе с тобой начали войну на одной стороне. Ты - на танке, я - в казачьем добровольческом полку... Сбежал в семнадцать лет из Сибири на фронт, хотел Родину защищать... Тебе посчастливилось, ты не попал, как я, по тупости генштабистов, под Харьковом в окружение, перед этим честно провоевав на передовой целый год... Ты не шагал пленным по нашим весенним раскисшим дорогам... Не чувствовал ненависть к своим отцам-командирам, за их подлость, по отношению к нам, простым солдатам, вынужденным идти по их преступным приказам на убой, словно скот... Тебе сейчас, через столько лет, когда уже всё стало ясно с той войной и с теми полководцами, неужели не обидно за наших молодых друзей-товарищей, что безвременно легли в землю от Волги до Берлина?

Егор. Вот оно что!.. А я-то думаю, что тебя всё время грызёт изнутри? Какой червь?.. Слышал я эти вражеские байки о морях нашей крови, утопивших фашистскую армию. Слышал!.. Но это была война. Понимаешь, война! И на моей совести тоже есть кое-что такое, что такому моралисту, как ты, не понравится, если я тебе об этом расскажу. Всё-таки я был, в отличие от тебя, командиром танковой роты.

Небольшая, по фронтовым меркам, но тоже шишка на ровном месте. На мне тоже солдатской крови хватает, потому что от сохи на войну пришёл, не из академии генштаба.

Харитон. А ты расскажи, покайся, может, и тебе легче станет.

Егор. Мне не в чем каяться. Да и ты не поп.

Харитон. Да уж, как-то на попа я не похожу. Зато в Бога верю.

Егор. Веришь? Интересно, в какого Бога? В нашего или ихнего?

Харитон. В настоящего. В того, кто нас с тобою создал и в мир пустил.

Егор. Дурак! Да если бы он был, один-единственный и настоящий, разве бы ты такую жизнь прожил на Земле?

Харитон. А может, он специально её для меня скроил, чтобы испытать на стойкость? На человечность.

Егор. Ну, хватит болтать, стойкий оловянный казачок. Нам, видно, с тобой уже никогда не договориться.

Харитон. А о чём ты хочешь со мной договариваться, Егор? У меня к тебе претензий нет и нет никакого желания спорить, что-то доказывать, делить... Я просто всегда хотел и хочу жить. По-человечески. Видеть небо, землю, речку... Тебя... Радоваться, что я всё ещё существую на этой грешной Земле.

Егор. Чай-то уже остыл совсем. Заболтались мы с тобой, Харитон.

Харитон. Так пей!

Егор. Спасибо, мне пора!.. *(Вздыхает.)* Как стояла война между нами, так и осталась... Хоть бы внуки жили, как люди... *(Егор встаёт из-за стола и, прихрамывая, подходит к двери.)* Хорошо, что ты вернулся, Харитон. Умирать нужно на своей земле. Дома... Будешь в городе, заходи. Если живого не застанешь, на похороны приходи. Придёшь?

Харитон. Приду.

Егор. Ну, вот и всё. Прощай, брат!

Харитон. Прощай, Егор!

Егор уходит. Харитон остаётся один в комнате.

Конец первого акта

Акт второй

Картина первая

Старый родительский дом Владимира Придорожина. Большая комната, в которой две двери: одна ведёт на кухню, являющуюся одновременно прихожей, вторая - в спальню. Нынешний хозяин дома сидит за столом и собирает транзисторный приёмник в яркой пластмассовой мыльнице. Из мыльницы время от времени звучит музыка и тут же смолкает. Что-то не получается у мастера. Звонит телефонный звонок.

Владимир *(берёт трубку и устраивает её на плече, прижимая головой)*. Старший дежурный по дому полковник Придорожин слушает!.. А-а-а!.. Привет! Ну, как твои успехи, товарищ командир полка?.. Хреново?.. Понятно!.. Ну, а с чего у меня-то будут лучше?.. *(Заверещала мыльница и притихла.)* Чего-чего?.. Мыльница, паскуда, барахлит!.. Да, понимаешь, перебирал тут старьё и нашёл кучу древних радиодеталей. Вспомнил, как в детстве из мыльниц делали всякие штучки, решил хоть этим заняться... Нет, до маразма мне ещё далеко! Кстати, знаешь старый

анекдот, что лучше: маразм или склероз?.. Маразм лучше, потому что ещё помнишь название своей болезни... Не смешно?.. Да мне тоже... На рыбалку? И что мы там будем ловить? Опять целый день кислород пригоршнями глотать? А наш улов даже кошки есть не будут, потому что рыба какой-то гадостью воняет... Удовольствие я и дома получу. *(Слышен звук открываемого дверного замка.)* Вот, кстати, пришёл и мой главный распределитель этого добра. Сейчас отвесит!.. Привет своей!.. Пока, командир! *(Кладёт трубку.)*

В прихожую с сумками в руках входит жена Владимира Ирина, в тот же момент неожиданно снова верещит мельница.

Ирина *(заглядывает в комнату)*. Что это?

Владимир *(продолжает копаться в мельнице)*. Транзисторный приёмник в мельнице - чудо техники шестидесятых годов.

Ирина *(раздражённо)*. И зачем это надо?

Владимир. Не знаю. Просто вспомнил себя маленьким. Перебирал в старом ящике на чердаке и вот нашёл. В восьмом классе почему-то недоделал.

Ирина. Ты бы лучше гроши где-нибудь отыскал, бездарь! Говорят, некоторые в старых домах клады находят. *(Ирина уходит на кухню и ставит на стол сумки, из которых достаёт хлеб, макароны, колбасу и овощи.)* Нашему дому больше ста пятидесяти лет, может, где-нибудь что-нибудь и спрятано.

Владимир. Интересно, кем?

Ирина. А я почём знаю, кем? Взял бы у ребят миноискатель, проверил. Вот тогда бы и узнали, кем.

Владимир. Я не Буратино, чтобы рыться на Поле Чудес.

Ирина. Ты хуже. Ты просто старый военный пенёк, обросший мхом!

Владимир *(не отрываясь от своего занятия)*. Я - человек, получивший от Родины, за пролитую на поле брани кровь, заслуженную пенсию в рассвете сил и способностей. И хотя я много ещё чего могу...

Ирина. Например?

Владимир. Мало ли чего, например?.. Но Родина, в настоящий момент, во мне больше не нуждается... А прислуживаться за копейки у бывших комсомолов - не могу, извините! И честь, и гордость русского офицера не позволяют. И это ты знаешь.

Ирина *(всё более раздражённо)*. Гордость ему не позволяет! Офицерская честь! Другие хоть квартиру отхватили у советской власти, а мы, как вылезли из пограничных окопов и землянок, так снова в старый отцовский дом и залезли. А дом без капремонта уже лет двадцать стоит!

Владимир. Двадцать четыре.

Ирина. Тем более! Он вот-вот завалится!

Владимир. Да он ещё и нас с тобой переживёт.

Ирина *(зло)*. Ну, это мы ещё посмотрим, кто кого!

Владимир. Как ни смотри, а дома и стены помогают.

Ирина. Ага! Много они нам помогли!

Владимир. У других и этого нет.

Ирина. На других смотреть, так и вовсе в бомжи податься можно. Когда работать-то пойдёшь, тунеядец?

Владимир. Отстань, кому я такой нужен?

Ирина. Хомо сапиенс, товарищ полковник, отличается от животного мира головой, а не ногами. Отщеголяли ноженьки в хромачах, ну и... Чего горевать о том, чего не вернуть? Работай тем, что у тебя осталось. А то, "отстань"! Чего "отстань"? Скоро осень, а у пацана совсем нет ничего нового.

Владимир. Ему ничего нового и не надо, всё равно скоро в армию.

Ирина. Ну уж, хрен! Его-то я им не отдам!

Владимир. Кому это, им?

Ирина. Тем, кто и тебя инвалидом сделал!

Владимир. Я бы попросил... пояснить всё же, кому им?

Ирина. Да всем твоим дружкам, которые в начальство вылезли! Они-то сейчас там, в столицах, а ты здесь, в глухой провинции мыльницами забавляешься! Кровь пролитую вспоминаешь. А они тебя помнят? Как же, помнят! Помнят, что есть где-то сын Владимира Петровича Придорожина, героя Афгана и всех последующих потасовок, которому тоже пора в строй становиться. Вот, они получают у меня Сергея! Вот!

Ирина делает неприличный жест рукой от локтя. Владимир медленно откладывает в сторону инструменты.

Владимир. Ирина, я прошу не путать службу в армии со службой у проходимцев.

Ирина (*входит в комнату*). А разве это сейчас не одно и то же? Ты только вспомни, было ли когда-нибудь, чтобы солдаты твоего полка голодали? А у них они даже умирают от голода, потому что господа генералы строят себе шикарные дачи на солдатских пайках! Были ли у нас за все двадцать лет службы побеги и самострелы из-за дедовщины?

Владимир. У нас было другое время.

Ирина. Не оправдывай их! Время всегда и для всех одинаково. Самим не нужно быть дерьмом!

Владимир. Чего ты хочешь?

Ирина. Денег. Нормальных российских деревянных рублей, чтобы на них можно было жить, а не существовать. Чтобы можно было сына обуять и одеть прилично, купить новую квартиру и съездить отдохнуть на юг. Вот чего я хочу. Ничего сверхъестественного. Тебе понятно?

Владимир. И всего-то?

Ирина. Всего-то.

Владимир. Милая моя, разве мы с тобой не жили на юге? Да мы с тобой в самом пекле торчали целые годы и мечтали хоть на день-другой вырваться оттуда на север. К нашим снегам и морозам. Зачем тебе юг?

Ирина. Он мне уже не нужен... Он, прежде всего, тебе нужен.

Владимир (*пристально смотрит на жену*). Давай, обо мне не говорить! Сейчас вопрос немножко о другом... Скажи, чего суксилась, красавица?.. Что-то случилось?

Ирина. Случилось... (*У неё неожиданно дрожит голос.*) Кажется, случилось, товарищ полковник... И очень серьёзное.

Владимир (*встревожено*). Да?.. Ну-ка, садись поближе, товарищ майор медицинской службы, докладывай боевую обстановку!

Картина вторая

На кухне за столом сидят Ирина и Тамара и пьют дешёвое вино.

Тамара. Я себе всегда говорю: “Я не боюсь быть сама собой. Я такая, какая я есть. У меня неагрессивные и гармоничные мысли. Я люблю и ценю себя. Я могу быть сама собой”. И вот как только это скажу, так сразу мне становится легче. Я вся прямо получаю громадный заряд космической энергии из космоса. И мне становится легко, хорошо!

Ирина. Здесь будешь сама собой, как же!

Тамара. Да ты только попробуй!

Ирина. И пробовать не стану! С самого утра сплошной мат в душе. Грешно это, знаю, а поделать ничего не могу.

Тамара. Грех – это когда винишь себя, что согрешил. Вот, что такое настоящий грех!

Ирина. Это как же?

Тамара. А вот так: согрешил, так согрешил! Раз живём! Это всё тебе по твоей карме положено и нечего гнобить себя почём зря. Почитай Лазарева, в “Диагностике кармы” у него про это всё хорошо написано. Хаббарда возьми. И другие тоже учёные есть, кто про это же пишет. Не мы, предки наши так нам предписали делать - грехи чужие отмывать, то есть, их грехи, наших предков.

Ирина. Да чушь какая-то! У меня родители почти святые по нынешним понятиям. Отец, можно сказать, вообще не пьёт, не курит, мать всю жизнь его одного любит. Войну и после неё столько лет ждала. А красавицей была, между прочим, не последней! Многие благополучные мужики в молодости к ней сватались.

Тамара. Может, это прапрапрадед твоей кармой управляет, откуда ты знаешь?

Ирина. Действительно, может и прапрадед какой-нибудь, откуда я знаю? Мы же не из дворян, у нас родословной до Рюрика нет. Откуда мне знать, кто у нас там в глубине веков кем был и чем занимался? Может, я тоже княжна? А может, герцогиня!

Тамара. Высоко себя ставишь, Ирина! А гордыня, между прочим, – есть неприятие травмирующей ситуации. Не будь гордой, расслабься, будь сама собой. Пойми, чем больше любви мы отдаём другим, тем больше получаем в ответ. Надо научиться не стягивать любовь на себя, а свободно отдавать её самой и тогда она так же легко будет к тебе возвращаться. Отдавай, не ждя ответа.

Ирина. Ты знаешь, что-то мне не нравится твоя новая философия. Ты, случаем, не в борделе работаешь?

Тамара. Совсем чокнулась, что ли?

Ирина. А что? “Отдавай, не ждя ответа!” - очень даже похоже на лозунг этого заведения. Возвратная частица -СЯ только отсутствует.

Тамара. Если моя карма направит меня в бордель, пойду и туда! Человек должен выполнять своё предназначение на Земле. Должен отрабатывать карму. *(Закрывает глаза и медленно цитирует.)* “Я даю полную свободу себе и другим людям. Я снимаю повышенный контроль над ситуацией и поведением других людей”. *(Открывает глаза.)* И над тобой, между прочим, тоже. *(Снова закрывает глаза.)*

Ирина *(встаёт из-за стола и кутается в большой пуховый платок)*. Всё бы ничего, Тамара, но я не верю в твою кабалистику. За моей спиной столько всего и всякого стоит, что... *(Машет рукой.)* Мы со своим в Афгане познакомились, ты же знаешь! А там карма у всех была одна: пан или пропал! Понятно?

Тамара *(открывает глаза)*. В тебе говорит твоё “Эго”. Мы часто вот так не осознаём того, что нам даёт высшее начало для выбора своего дальнейшего пути. Не умеем разгадывать намёки и иносказания, от этого и страдаем.

Ирина. Страдаем мы не от этого, а от дури нашей. Вот ты, чего со своим разбежалась? Нормальный ведь мужик! Денег кучу домой приносил. Чего не жилось-то?

Тамара. Деньги, Ирина, не самое главное в мужчине.

Ирина. А что, по-твоему, главное, что?

Тамара. Будто сама не знаешь? Хотя, у моего в этом плане всё в порядке. Всё! Заявляю сразу. И деньги он до сих пор ко мне носит. Но!.. Не лежит к нему душа, не лежит! Хоть ты тресни! Не люблю и никогда не любила. Запаха его поганого не переносу.

Ирина. “Люблю – не люблю!.. Душа!”... С жиру ты бесишься, Томка! Вот перестанет твой придурок деньги таскать и что запоёшь?

Тамара. Уже перестал.

Ирина. Что перестал?

Тамара. Деньги таскать, говорю, перестал. Дочка у него родилась. Говорит, денег на настоящую семью больше стало уходить. Уже две недели не приходит.

Ирина. И что дальше будешь делать?

Тамара. Ждать. Буду тупо сидеть и ждать, когда придёт. И когда принесёт мои деньги.

Ирина. С чего они твои-то? Проспись, милая!

Тамара. Потому что - мои. И точка! Я ему помогала подниматься из дерьма. С денег моих родителей его дело пошло, значит, с моих.

Ирина. Ну и ладно: твои, так твои! *(Наливает в стаканы вина, пьёт и снова присаживается за стол.)* За тебя!

Тамара берёт стакан и, чокнувшись, подруги пьют вино до конца.

Тамара. Сегодня позвонил, говорит, пока денег нет, но скоро откроет новое дело и тогда... озолотит. *(Зло.)* Хрен у него что получится! Не видать мне больше денег, с его дурьей башкой! Не видать!

Ирина. Почему это, не видать?

Тамара. Потому, что дурак! От своего старого партнёра уходит. Нет, не уходит, а кидает мужика и сам без него сядет в лужу. Я-то уж это знаю точно!

Ирина. Откуда информация, что он сядет в лужу?

Тамара. Дубина, потому что! Бездарь! Мне бы радоваться нужно было, что у него всё так плохо, а вот позвонил... И у меня всё внутри заныло, заболело... Видеть его, гада, не могу!.. Не ругались, говорили нормально, а меня всю словно трактором переехало. Все косточки болят! Как мне от него уйти? Как, Ирина? *(Всхлипывает.)*

Ирина. Возьми и уйди! Ведь вы и не живёте вместе. У вас нет ничего общего: ни вещей, ни интересов.

Тамара. Так он сам к нам приходит. Сам деньги несёт. А если совсем оттолкнуть, откуда деньги брать, а?

Ирина. Иди работать.

Тамара. Ну да! Кому я нужна в сорок лет и без высшего образования?

Ирина. Тогда терпи.

Тамара. Не могу больше. Сдыхаю от него! С души воротит, как только его голос слышу! Порчу он на меня нагнал, что ли? Или меня Бог наказал за то, что с ним, с нелюбимым, связалась?

Ирина. Ну, если бы он всех так наказывал, не было бы никакой жизни у людей. Сплошная ругань!

Тамара. А то её сейчас мало? Почитай, в каждом доме идёт тихая грызня. Я и литературу всякую изучать стала из-за него, и вообще... *(Тихо.)* Может, у меня уже климакс, а? Может, я уже и не баба вовсе?

Ирина: *(берёт бутылку и снова разливает вино по стаканам).* Если и климакс, так что из этого?.. А баба или нет, проверить недолго: только выйди на дорогу и подними руку... Лучше выпьем, девушка, за мир во всём мире.

Тамара *(глубокомысленно)*. А поможет ли это миру?

Ирина. Миру – не знаю, а мне может даже быть... Знаешь, почему не берут женщин в армию?

Тамара. Почему?

Ирина. Команду “Ложись!” выполняют неправильно.

Тамара. Это ты к чему? Я, между прочим, в армии не служила и ноги перед солдатским строем не раздвигала.

Ирина. А зря... не служила... Поехали!

Пьют вино. Входит Сергей.

Сергей. Ого! Алкашите? По какому случаю праздник?

Тамара. Ты бы сначала поздоровался, сынок, с гостьей, а потом спрашивал.

Сергей. Здравствуйте, тётя Тома!
Тамар. Здравствуй, Серёжа!
Сергей. А где отец?
Ирина. В баню с дедом к Никифоровым пошли. Теперь раньше ночи не появятся. Ну, а что у тебя нового?
Сергей. Живу, как в сказке: чем дальше, тем страшнее.
Ирина. Давай, рассказывай свои страхи!
Тамара. Ага, рассказывай! Может, поможем, чем можем.
Сергей. Ух, какие вы, однако, деловые после стакана бормотухи! Вначале напоите-накормите добра молодца, а потом и спрашивайте.
Тамара. Садись, ешь, богатырь, что Бог послал! Будь, как дома. Сама душу отвожу, аменины сердца на халяву устраиваю. Извини, выпить не налью, мать заругает.
Ирина. Ещё чего! Молод вино пить.
Тамара. Да он и водочку, наверное, уже потягивает втихаря. Они, молодые, нынче шибко шустрые насчёт этого дела.
Сергей. Спасибо, я в завязке.
Ирина. Чего?
Сергей. Не чего, а уже!
Ирина. Не понял!
Тамара. И я тоже не понял.
Сергей. Да шучу я, шучу! Шуток не понимаете?
Ирина. Скорее бы ты, сынок, как-то определился в жизни, что ли.
Сергей. В институт поступил, женился.
Ирина. В институт поступил, женился. Без шуток!
Тамара. В институт, допустим, поступать нужно, а вот со свадьбой можно и погодить малешенько.
Сергей. Вот хоть бы ты их как-то образовала, тётя Тома, а то совсем задолбали: поступай в институт, а то в армию заберут; женись, а то подхватишь СПИД! Мочи моей нету!
Тамара. Ирина, да вы так совсем, вижу, добра-молодца закомплексуете! Дайте парню время погулять, покуролесить! Молодой же ещё!
Ирина. Куролесить хорошо, когда есть цель в жизни, а просто так дурь гнать – извини! Это сплошное хулиганство получается!
Тамара. Эх, люди, люди! И чего нам не живётся спокойно-весело на Руси? Ну, а ты, хулиган, чего столбом стоишь? Почему не садишься за стол?
Сергей. Спасибо, не хочу! Я что пришёл сказать...
Ирина. Интересно, что?
Сергей. Повестка пришла. Послезавтра на комиссию.
Ирина. Как?
Сергей. А вот так! Ухожу в армию.
Тамара. Ничего себе, бабушка, Юрьев день!
Ирина. Час от часу не легче! А как же институт? Отсрочка?
Сергей. В военных училищах все военные дипломы имеют гражданскую специальность.
Ирина. Так ты в училище?
Сергей. Да, товарищ майор! Есть такая профессия - Родину защищать!

Картина третья

В открытую дверь дома Придорожных робко стучится Харитон, одетый по-осеннему: в хорошем импортном плаще, в тирольской шляпе с пёрышком и с хозяйственной сумкой в руке.

Харитон (из-за порога). К вам можно?

Ирина. Кто там?

Харитон. Я это, Харитон!

Ирина. Да, проходи, чего спрашиваешь? (*Харитон неуверенно заходит в дом.*) Здравствуй, отец!

Харитон. Здравствуй, дочка!

Ирина. Что стоишь у порога? Прходи, не укусим, поди!

Харитон. А я вот этого и боюсь.

Ирина. Чего?

Харитон. Вдруг, и вы...

Ирина. Что, укусим?

Харитон. Ну, да!

Ирина. Опять с Людмилой поругались?

Харитон (*вздыхает*). Поругались.

Ирина. Опять коса на камень?

Харитон. Характеры у нас с ней, понимаешь, разные.

Ирина. Да не характеры, а дури в вас обоих выше головы.

Владимир (*из глубины дома*). Кто там пришёл?

Ирина. Отец.

Владимир (*из своей комнаты*). Привет, дед!

Харитон. Здравствуй, Владимир!

Владимир (*Ирине*). А чего он в прихожей стоит?

Ирина. Выясняем, кто из них прав: Людмила или отец?

Владимир. Здесь и гадать нечего: дневальный у тумбочки!

Харитон. Какой дневальный?

Ирина. Слушай его больше! Это он так в армии привык виноватых искать.

Владимир. А что? Вполне логически обоснованная теория определения виновного. Дневальный он всех видит и всё знает. Если не заложит командиру настоящего виновника происшествия, сам получает по полной программе. Всё обоснованно.

Харитон. Я у вас немножко поживу, пока там гроза пройдёт, можно?

Владимир. Какой вопрос, Харитон Егорович? Живи, сколько хочешь. Мне с тобой даже будет веселее.

Ирина. А мать?

Харитон. Да, понимаешь, как с цепи сорвалась после переезда! Всё ей не так и не этак. И всё время на сторону Людмилы становится.

Ирина. Понятно! А как же кролики?

Харитон. Всё, решил - хватит! Никому они там не нужны и весь мой труд задаром. Всех кролов перевёл. Вот и вам гостинчик привёз.

Харитон отдаёт Ирине полиэтиленовый пакет, достав его из сумки.

Ирина. Что это?

Харитон. Последние два крола. Заколот их сегодня утром и вот вам доставил.

Владимир. А что, Иринушка? Давно мы с тобой зайчатинки не пробовали! Молодец, дед Харитон, порадовал. Давай, раздевайся, проходи в комнату, чаёвничать будем!

Ирина (*растерянно*). Кролы? Я уж и разучилась их готовить.

Харитон (*радостно*). Да чего их готовить-то? Ты одного в холодильник положи, а второго свари, потом зажарь в духовке до румяной корочки, такая вкуснятинка будет! Пальчики оближешь! А с бульона супчик сварить можно с домашней лапшичкой.

Харитон снимает плащ, шляпу и полуботинки, надевает тапочки.

Ирина. Прямо и не знаю, что делать!

Владимир. Ничего, ничего, хорошее дело быстро вспоминается. Ты, главное, картошечки не забудь и малосольных огурчиков с помидорчиками. Нет, но если ты не можешь вспомнить, как готовить зайчатину, мы всегда рады тебе помочь. Правда, дед?

Ирина. Ладно уж, иди, отец, в комнату. Тоже мне, помощнички!

Ирина подходит к холодильнику, вытаскивает из большого пакета тушку кролика, завернутую в бумагу, и заталкивает её в морозилку. Вторую тушку кладёт на стол вместе с пакетом и стоит, не зная, что делать с ней дальше.. Владимир манит рукой Харитона в комнату.

Владимир. А у меня где-то, кажется, и мерзавчик водочки затерялся. Поискать, что ли?

Харитон (*улыбается*). Ну, как на это хозяйка дома посмотрит. Я бы не отказался от стопочки. Маленькой.

Ирина. Да уж поищи, чего там! Всё равно завтра без меня выпьете.

Картина четвёртая

На кухне Тамара и Ирина. Ирина что-то делает по дому и почти не обращает внимания на подругу.

Тамара. Недавно что-то на меня накатило, и я стих сочинила. Не веришь?

Ирина. Когда накатывает, не только стих сочинишь!

Тамара (*неожиданно читает свои стихи*).

Много в жизни разных судеб,
В них и радость и печаль,
Распознать тебя хочу я,
Как рождается любовь.

Я смотрю в тебя и вижу
Отраженья облик свой.
И лучистым ярким светом
Просыпается любовь.

Мир, Вселенная, признание!
Торжество любви и света!
Это то, что в сочетанье
Бог создал для нас двоих.

Ну, как?

Ирина. Что, как?

Тамара. Я спрашиваю, как первое впечатление?

Ирина. Хахаля нового завела, что ли?

Тамара. Я?.. А если бы и так?

Ирина. Смотри, твой спонсор узнает...

Тамара. Пошла ты со своим спонсором! Я про стихи спрашиваю, а ты!

Ирина. Стихи?.. Читала в книжках не лучше, но давно, в молодости. Пошли в редакцию какого-нибудь журнала, может, напечатают.

Тамара. Ну да, напечатают! У них там везде свои люди. Своих толкать надо.

Ирина. У одного поэта есть строчки:

Лелейте тепличные овощи,
Расти не мешайте лесам,

Морковка нуждается в помощи,
Осот пробивается сам.

Тамара. Это я, что ли, осот?

Ирина. Ну что ты! Тот поэт, когда писал, он о тебе ничего не знал и не знает до сих пор.

Тамара. Дурак твой поэт! *(Тамара закрывает глаза и привычной скороговоркой произносит заученные фразы.)* “Я – жизнерадостный оптимист. Радость, любовь, богатство и процветание входят в мою жизнь. Я люблю тебя, Господь! Весь этот мир, Вселенную, людей люблю! Я люблю себя”!

Ирина. Себя-то ты как раз и любишь, а вот людей...

Тамара. Ну, почему ты постоянно дурь несёшь? Ты хоть понимаешь, что это великое учение! Это настоящее земное счастье. А счастье – это Царствие Божие внутри нас. Это согласие с окружающим нас миром, с самим собой.

Ирина. Кто-то, помнится, тут совсем недавно про очищающее страдание говорил.

Тамара. Одно другого не исключает. Страдание совершенствуют душу человека, делают её ближе к богу.

Ирина *(вздыхает)*. Может, я и полная дура, но я очень хотела бы прожить свою жизнь без страданий и испытаний на прочность. Слишком это тяжёлое занятие.

Тамара *(упрямо)*. Испытания дают веру в лучшее на Земле и на Небе. Это надо только понять однажды и всё у тебя будет хорошо. Всё в жизни наладится.

Ирина. Эх, где бы мне взять веру в твои слова, подруга? Где?

Ирина тяжело опускается на стул и закрывает глаза ладонью. Тамара недоумённо смотрит на Ирину.

Картина пятая

В комнате Харитон и Владимир. На столе начатая бутылка водки и нехитрая закуска. За окном слышен звук подъезжающей автомашины. Харитон выглядывает в окно.

Харитон. “ПАЗ” номер 208... Время... *(Смотрит на часы.)* Двадцать два часа двадцать пять минут. Припозднился что-то Димка.

Владимир. Халтурил.

Харитон. Наверное.

Владимир. Не наверное, а точно. Женился недавно, жена ребёнка ждёт. Семья в приработке нуждается.

Харитон. Хорошо, что одни живут, без свекрови. Скверная старушонка была его мамаша, между нами говоря. Царствие ей Небесное! *(Торопливо и привычно крестится.)* Тяжело нынче живётся молодым. Ой, тяжело!

Владимир. Не у всех же такие условия?

Харитон. Не у всех, но у многих!

Владимир. Будем считать, что Димке ещё повезло: свой дом есть.

Харитон *(ворчит)*. Одиннадцатый час уже, а завтра ему снова на работу к восьми. Спать-то когда будет? Пожалеть бы Верке парня надо.

Владимир. Ничего, дело молодое, выпится ещё.

Харитон встаёт и начинает ходить по комнате.

Харитон. Странное дело получается: женщины любят деньги, а мужики – силу.

Владимир. Ну и что? Так в природе роли распределены между полами: мужик – добытчик, баба – растратчик. Да были бы у меня сейчас деньги, я бы все их Иринке отдал!

Пусть, что хочет с ними, то и делает. Лишь бы... *(Хмурится.)* Лишь бы жива-здоровая была. Лишь бы ей хорошо было.

Харитон. Против природы, конечно, не попрёшь, однако выходит так, что мужики в жизни ищут себе дело по своей силе, ломают себя, уродуют, а женщины... Они все чокнутые становятся, когда начинают власть в доме делить с мужиком. Ей, богу! Особенно, к старости. Лезут в волки, понимаешь...

Владимир. Это ещё Пушкин заметил. Помнишь, его старуху у самого синего моря?

Харитон. Как не помнить? Она не только своего старика, но даже Золотую рыбку, милейшее создание, между прочим, до полной истерики довела.

Владимир. В сказках все хорошие женщины – молоденькие девушки, невесты, а все ведьмы...

Харитон. Вот-вот, то-то и оно! Ты знаешь, на Западе есть такое заболевание... Климак... терическое помешательство называется.

Владимир. Что это за хреновина такая?

Харитон. А это, когда женщины уже не могут быть больше бабами, начинается у них ненависть к своим собственным родным мужикам.

Владимир. Это, значит, когда она сама уже ничего не может, а мужик ещё чего-то хочет...

Харитон. Именно так выходит. И что меня больше всего возмущает, так это то, что у них там, на Западе, эта болезнь есть, а у нас её официально нет.

Владимир. Почему?

Харитон. Вот и я хотел бы знать, почему? Может, это диверсия против русских мужиков! Против нас с тобой.

Владимир. Ну, моя-то, слава богу, ещё ничего!

Харитон. Зато моя!.. *(Машет рукой.)* Столько лет прожили вместе и вот те на! Не хорош стал... Ведь всю жизнь всё для неё, всё в семью. На работе жилы рвал, в передовиках ходил... Эх!.. А всё из-за этого дома проклятого!.. Своими руками стены сложил, крышу оцинковкой покрыл, сад развёл... Ой, какой сад!.. Сколько вина я из того винограда сделал!.. Думал, в нём и умру, в этом саду, ан нет! На старости лет туземцы из собственного дома выгнали!.. *(Разухабисто.)* Да, пропади оно всё пропадом! Чтобы я и из-за дерьма земного, душу свою бессмертную поганил?!.. Наливай, Володька!

Харитон садится на свой стул за столом.

Владимир. М-да!.. *(Наливает немножко водки в стопки.)* Ответь мне дед: почему мы с тобой только в своём доме и только за бутылкой водки можем говорить о всяких вечных проблемах? О женщинах, например, о политике? Почему?

Харитон. Потому что плохо вас учили, товарищ полковник, в академиях. Творческую мысль начисто отбивали в казармах. В этом всё дело. Конечно, может быть, я весь в штампах прошедшей эпохи, но я бы, будь я помоложе, не сидел бы сложа руки в такое время. Нет, не сидел бы!

Владимир. Да ты и не сидишь: дёргаешься, бегаешь... В казаки вон записался. Того и гляди, в какую-нибудь горячую точку сбежишь. А тут!.. *(Постучал себя по протезам вилкой.)* Я бы, может, и рад подсуетиться, да с моими ногами много не набегаешь.

Харитон. Не то говоришь, полковник, не то! Не в этом дело, нет, не в этом!

Владимир. А в чём?

Харитон. А ты сам подумай!

Владимир. А что думать? Просто привыкли жить в том бардаке, который зовётся нашим российским домом, и ничегошеньки не хотим в нём менять. Ничего! Так удобнее всем.

Харитон. Кому это, всем?

Владимир. Да всем нам, дуракам ленивым.

Харитон. Ну, что тебе сказать?.. Есть, конечно в твоих словах частичка правды... Иной раз, смотришь в телевизоре высокопоставленные приёмы и закрадывается в голову такая общеизвестная мысль: “Господи, как избавиться от дураков в нашей стране”? И вопиешь безответно к Отцу Небесному: “Научи и наставь на путь истинный, Отче”!

Владимир. А Отче молчит.

Харитон. Молчит. И всё идёт, как и раньше шло. И становится обидно от бессилия и своей полной ничтожности в этом мире больших величин. Понимаешь, обидно!

Владимир. От этой напасти у России есть только один нетрадиционный способ: создание банка спермы умных людей. Как только где-нибудь у нас объявится доморощенный гений, его – раз... *(Делает рукой хватательный жест.)* И семя в пробирку. Так и поумнеем. Со временем, конечно.

Харитон. Ну да, чтобы наши бабы рожали не от нормальных мужиков, а от гениальных кретинов. Особенно, если Запад объявит Россию зоной вырождения и будет гуманитарную помощь выдавать пробирками со спермой.

Владимир. Тогда выхода нет – плоды дебилов.

Харитон. Кажется, уже наплодил немного.

Владимир. Кхм!.. Кажется... Это тебе, старик, только кажется. В тебе обида говорит. И водка.

Харитон. Может быть. *(Встаёт.)* Давай выпьем за тех русских мужиков, которые всё на себе вынесли и даже больше того, что может вынести простой человек. За помин души Егора Егоровича Мироненко, моего брата, бывшего фронтового капитана, командира танковой роты. За всех фронтовиков: и живых, и погибших.

Владимир встает, и они пьют, не чокаясь, молча. Выпив, садятся.

Владимир. Хороший ты мужик, Харитон, вот только одного не пойму, почему у немцев служил?

Харитон *(вздрагивает)*. Давно от тебя ждал этого вопроса, Володя. Всё время, пока вы с Ириной живёте, ждал.

Владимир. Ну и что скажешь?

Харитон. А что тебе сказать? Чего ты от меня хочешь услышать?

Владимир. Правду. Ответь, как солдат солдату.

Харитон. Правду?.. Как солдату?.. Хм! Правду!.. *(Снова встаёт и начинает ходить по комнате.)* Ты знаешь, что в Красной Армии царских офицеров служило больше, чем в белой? И, между прочим, доблестных царских генералов у красных было тоже больше.

Владимир. Что-то такое слышал.

Харитон. Помнишь, героя Первой Мировой войны генерала Брусилова?

Владимир. И помню, и знаю. И в училище, и в Академии изучали Брусиловский прорыв шестнадцатого года. Да у красных не только один Брусилов был – там собрали целое созвездие военных умов со всей России.

Харитон: - Это точно, не он один. А ведь они-то, эти царские сановники и генералы, не любили Лейбу Троцкого. Ох, как люто не любили! А служили. Честно служили Янкелю Аптекману, Мошке Урицкому, Володе Бланку и прочим... русским революционерам. Значит, было что-то такое, что заставляло их служить своим врагам. Но что? Ненависть к вырождающейся царской фамилии? Любовь к родному народу?.. Или вера в новую идеологию? В новую коммунистическую религию? Нет!.. У немцев, кстати, тоже в армии евреев было предостаточно. И это при холокосте-то! При фашизме! Только вдумайся в это! Больше пятнадцати генералов и даже один генерал-фельдмаршал Люфтваффе Эрхард Мильх – еврей. Гельмут Шмидт, в войну офицер люфтваффе, потом канцлер ФРГ – тоже еврей. И всё это при

концлагерях, при массовых расстрелах их соотечественников... Сто пятьдесят тысяч еврейских солдат преданно служили Гитлеру в его армии! Так что же ими двигало? Почему и те, и другие так поступали? Почему мы с Егором оказались врагами до гробовой доски?.. А всё потому, что... страх. Страх, лишаящий рассудка и воли к сопротивлению. Страх за себя, за родных... За живых и ещё не родившихся, ещё будущих... За вас, то есть... А в первую очередь, за себя, конечно. Ведь я ещё совсем мальчишкой был. Жизни никакой не видел. Мне только-только восемнадцать исполнилось, я ещё и с девчонками-то не целовался, и вот на тебе, такая беда!.. Такой разгром под Харьковом!.. И плен... Не по моей вине плен... Нет, я не герой. Я это прекрасно понимаю и себя несколько не оправдываю... Виноват, сдался в плен. Не сделал, как японец, харакири. Но я и поплатился за это жестоко. Десять лет лагерей на севере – не курорт на черноморском побережье Крыма... А с другой стороны посмотришь, а ведь я ещё живу... А где мои товарищи по плену? Сколько миллионов наших мальчишек, почти детей, моих сверстников, там сгнуло, кто их подсчитывал?

Владимир. Но они-то не пошли служить в вермахт. Не воевали против своих.

Харитон. Много вы, молодые, знаете!.. Все сапёрные части в вермахте к концу войны были из наших пленных. Кто хотел жить – работал у немцев на войну. А значит, против своих.

Владимир. Не верю!

Харитон. У Шолохова, в “Судьбе человека”, главный герой по фамилии Соколов немецкого инженера у самого фронта на машине возил? Возил. А ведь и он был военнопленным. Помнишь такое? *(Владимир молчит.)* Сходи в библиотеку, найди документы о национальном составе вермахта в годы Второй мировой войны... А вообще-то, чего далеко ходить? Ты же сам полковник Советской армии. Ты же сам присягу принимал, торжественно обещал до последней капли крови верно служить советскому народу и советскому правительству. Так почему ты сейчас сидишь здесь, а не дерёшься за великий и могучий Советский Союз с врагами, засевшими в Кремле? Почему?

Владимир. Ну, во-первых, у меня ноги...

Харитон. А во-вторых?

Владимир *(угрюмо)*. Это и, во-вторых, и, во-первых!

Харитон. Хорошо, допустим, с тобой всё ясно, Илья Муромец! А что же твои дружки по армии? Что, и они все безногие и безрукие?

Владимир. Всё, хватит!.. Больше я ничего знать не хочу. И так всё внутри переворачивается, глядя на нашу собачью жизнь!

Харитон. Я рад, что мы с тобой наконец-то поговорили об этом. И я рад, что ты меня, кажется, правильно понял. А то всё время камень на сердце лежал: почему не спрашиваешь, почему молчишь?

Владимир разливает остатки водки в стопки.

Владимир. Давай, выпьем!

Харитон. Давай!

Владимир. Жаль, что в мире есть слишком много способов, чтобы заставить честного человека служить целям других людей, более сильных, властных и беспредельно жестоких.

Харитон. Жаль! Но такова жизнь. *(Пьёт.)*

Картина шестая

Ирина ходит по комнате, кутаясь в платок. Она заметно похудела. Владимир всё так же сидит за своим столом.

Ирина. Чувствую себя совершенно одинокой. И ты далеко, и мать с отцом, и Сергей... и вообще все... словно я уже где-то там, высоко-высоко и смотрю на всех вас, как из небытия. Из дальнего космоса. Понимаешь?

Владимир. Понимаю. У меня такое было несколько раз в Афгане. Потом тебя встретил, отпустило.

Ирина. Это, наверное, душа моя готовится к своей новой жизни.

Владимир. А разве человек и его душа не одно и то же?

Ирина. Не знаю. Но вот как будто бы я, как человек, существую и живу здесь, ещё на Земле, и одновременно, где-то там, далеко-далеко, в большом и неизмеримом пространстве. Есть что-то такое сейчас во мне, что я не могу определить словами. Оно, то есть, наверное, душа, словно во мне и, вместе с тем, рядом со мной. Раздвоение какое-то получается... Ты хоть вспоминай меня чаще. Мне так спокойнее там будет за вас.

Владимир. Не говори глупости. Что я без тебя?

Ирина. Ну-ну! Только не распускай нюни. Я такого тебя не люблю. Договорились?

Владимир. Договорились.

Ирина. Я всё для себя приготовила. Всё в сумке, сумка в шкафу. Хорошо, что Серёжка в армии. Не хочу, чтобы он видел меня в последние дни.

Владимир. Не правильно это.

Ирина. Знаю... Вызовешь, когда останется дня три-четыре. Нечего парня травмировать, у него ещё вся жизнь впереди. Успеет хватить свою порцию лиха, как дед, как мы с тобой.

Владимир. А может...

Ирина. Никаких "может" быть уже не может... Я врач. И я хороший врач. Ты это знаешь. Осталось не больше месяца. Через неделю пойду на больничный. Если кто будет звонить, говори, что уехала к родителям. Их тоже привезёшь недели через две. Я к ним завтра съезжу, скажу, что чувствую себя плохо. Подготовлю немного стариков. Скажу, простыла... Плохо, что эта дрянь у нас наследственная, по отцовской линии. Дядя Егор также умер. И дедушка, отец рассказывал, тоже после войны сразу ушёл... Не дай Бог, Серёжка!..

Владимир. Чего сразу все несчастья в кучу собирать? Снаряд дважды в одну воронку не попадает.

Ирина. Может быть, может быть... Я в артиллерии не служила... Володя!.. Ты проследи, чтобы он со своим здоровьем не шутил: ему нужно обследование проходить у онкологов ежегодно или, хотя бы, раз в два года, ну и прочее...

Владимир. Харитон-то живой ещё.

Ирина. Вот именно, ещё!

Картина седьмая

Вечер. В комнате собрались родные Ирины: Харитон, Зинаида, Владимир, Сергей и Евгения. На Сергее курсантская рубашка защитного цвета и военные брюки. Большое настенное зеркало завешено чёрной тряпкой. Харитон и Зинаида сидят рядом.

Владимир (после большой паузы Харитону и Зинаиде). Ирина хотела, чтобы вы к нам перебрались. Оба. Нечего вам собачиться с Людмилой.

Зинаида. У Людмилы у самой не жизнь, а не поймёшь что, потому и бесится! Жалко её, дуру. Помочь бы ей надо.

Евгения. Не надо, бабушка, не надо. Вам там всё равно ничего не склеить. Там уже давно все черепки побиты, не то что посуда. Пусть сами разбираются, не маленькие.

Зинаида (*смотрит на Евгению*). Не маленькие... Это точно... Воспитывай ребёнка, пока он поперёк лавки лежит... Хорошо, пусть будет так. (*Владимиру*.) Тебе, ведь, тоже одному-то не сладко?

Владимир. Да уж, мёдом... не мазано! Но я не поэтому... Я привык к походной жизни и я всё могу делать сам. Мне няньки не нужно. Вы не думайте, что я совсем беспомощный. Я из топора могу кашу сварить.

Зинаида. Я и не думаю, я знаю, что всё умеешь.

Харитон. Когда можно переселяться?

Владимир. А что переселять? Твои вещи уже давно у нас, а Зинаида Петровна...

Зинаида. Я сегодня здесь ночую, а завтра, сразу после кладбища, дня на два съезжу к Людмиле, тогда и переселюсь. Как раз девять дней подоспеет... Снова стол надо собрать, чтоб всё было по-людски, по-христиански. Женя, ты поможешь?

Евгения. О чём спрашиваешь? Конечно помогу! Я всё равно в отпуске.

Владимир. Кого приглашать?

Зинаида. Приглашать особо никого не нужно, сообщить, сказать можно. Не у всех время в достатке.

Харитон. Свои соберутся и хватит.

Сергей. А если, кто придёт чужой?

Владимир. Если придёт чужой, место за столом всем найдётся. У нас всегда так было и впредь будет также.

Сергей. Во сколько собираем стол?

Зинаида. Часов в пять, чтобы и мы помянули, и кто чужой придёт после работы, так тоже наш дом не обошёл стороной, помянул рабу Божию Ирину.

Владимир. Договорились. Завтра с утра все на кладбище. (*Евгении*.) За тобой заехать?

Евгения. Да нет, я сама.

Владимир. Может, Людмила с Виктором поедут?

Евгения. Я им скажу, но вряд ли. Отцу шефа с утра забирать с дачи, а у матери с утра самая работа начинается. В киоске тоже свои проблемы. Они и сегодня-то едва дождались, когда люди из-за стола подниматься стали. Хорошо, что похороны в полдень были.

Владимир. Да... Везде свои проблемы.

Сергей. Папа! А можно, я после кладбища до обеда в городе побуду?

Владимир. До шестнадцати ноль-ноль свободен.

Зинаида. Что, девчонка, поди, ждёт?

Сергей. Трудно сказать, ждёт или нет... Так, встречаемся.

Зинаида. Мы с твоим дедом тоже перед войной так же встречались... А потом я его пятнадцать лет ждала на свою голову.

Харитон. Может, приведёшь сюда, покажешь девушку?

Зинаида. Не нужно. Не время. Новая жизнь должна с радости начинаться, а не с поминок.

Харитон. Оно, конечно, так... Только всё равно не должны мы всё время думать о тяжёлом. Это несправедливо по отношению к Ирине. Она всегда была оптимисткой.

Сергей. Дед, бабушка права. С какой ноги утром встанешь, так и весь день проведёшь.

Владимир. Смотрю, больно вы все суеверные и мудрые стали... А когда нас с Ириной в первый же день знакомства душманы обстреляли, это как понимать?

Зинаида. А так и понимай, что вы всю жизнь с ней, как на передовой и прожили. Что, разве не так?

Харитон. Чего ты пристала к человеку?

Зинаида. А ты помолчи! Ирина, может быть, из-за тебя пошла в Афган. Хотела всем доказать, что дочь за отца не отвечает.

Харитон. Ты, пожалуйста, не передёргивай! Я за себя и за свой плен уже давно ответил. Десять лет на сталинской каторге не каждый выживет. А я выжил, хоть и лежал в смертном бараке. Оттуда всех ногами вперёд выносили, а я сам вышел, на своих

двоих. А почему? Да потому, что жить хотел! Этим подонкам доставить удовольствие видеть мой труп не хотел.

Зинаида. Зато они сейчас превратили нас с тобой в живые трупы. Отняли всё и ждут, когда мы сами подохнем.

Владимир. Хватит политзанятий!.. *(Встаёт и медленно, тяжело ступая протезами, идёт к себе в комнату.)* Комиссары мне в армии надоели. Давайте ложиться спать, завтра день будет трудный... Потому что... осиротели мы... *(Плачет.)*

Картина восьмая

В комнату входит Сергей в расстегнутой курсантской шинели, в руках у него конверт. Видно, что он только что пришёл с улицы.

Сергей. Дедуля, тебе тут письмо.

Харитон. Откуда?

Сергей *(читает)*. Из Самары, из окружного военного суда... Что ты там опять натворил, что они тебя письмами забрасывают?

Харитон. Не твоё дело. Дай сюда!

Сергей. Оба на!.. Ни ласкового слова, ни спасибо! Знал бы, не приносил. *(Отдаёт конверт Харитону.)*

Харитон. Извини, волнуюсь очень... Спасибо, Серёжа!

Сергей. Да я чё? Я ни чё... Ладно, читай на здоровье.

Сергей уходит к себе. Харитон торопливо разрывает конверт, пытается читать, но ничего не видит. Ищет очки и не находит. В это время выходит из своей комнаты Сергей. Он куда-то спешит.

Харитон. Внучок, что-то у меня буковки расплываются, ничего не вижу. Почитай-ка, чего они тут понаписали.

Сергей. А где твои очки?

Харитон. Да где-то были здесь...

Сергей. Ладно, давай! *(Берёт письмо и начинает читать.)* “Постановление об отказе в удовлетворении надзорной жалобы”.

Харитон *(присаживается на табурет)*. Об отказе?

Сергей. Да, об отказе. Читать дальше?

Харитон. Читай... Вот отсюда читай. *(Показывает, откуда внук должен читать.)*

Сергей. Что-то ты совсем сник, дед. Может, не нужно эту дрянь читать?

Харитон. Читай!

Сергей. “Судья установил: Мироненко признан виновным в измене Родине. Данное преступление Мироненко совершил при следующих, как указано в приговоре, обстоятельствах. Мироненко, находясь в немецком плену, в апреле 1943 года добровольно поступил на службу в немецкую армию, был обмундирован в немецкую военную форму и зачислен рядовым в 182 казачий эскадрон. До 1944 года активно выполнял все задания немецкого командования и принимал участие в боях с партизанами на территории Днепропетровской области и в районе Кишинёва. В конце июля 1944 года был переброшен в составе эскадрона на территорию Франции, где в связи с расформированием эскадрона был переброшен для дальнейшей службы в 19-ый кавалерийский эскадрон немецкой армии. В августе 1944 года он, как отслуживший в немецкой армии более одного года, получил отпуск, который проводил в доме отдыха французского города Пантагиф. После войны, находясь в лагере для военнопленных во французском городе Пантагиф, Мироненко писал командованию лагеря заявление о своём нежелании возвращаться на Родину. Приговором военного трибунала от 22 августа 1946 года Мироненко осуждён по

статье 58-1 “б” УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах на 5 лет без конфискации имущества... Изучив материалы дела и заключение военного прокурора... считаю, что надзорная жалоба осужденного Мироненко Х.Е. не подлежит удовлетворению по следующим основаниям”...

Харитон. Не надо оснований... Хватит.

Сергей (*отдаёт письмо Харитону*). Что же ты, дед, нам всю правду-то никогда не рассказывал?

Харитон. Какую правду?

Сергей. Вот эту, что здесь.

Харитон. У каждого в жизни своя правда, внучок. Своя!.. Прокуратуре нужно добить меня окончательно, чтобы всё у них было, как и раньше, по старому приговору, а мне... Мне уже ничего и ни от кого не нужно. Устал оправдываться... Устал жить в ненависти.

Сергей. Кого же ты так сильно ненавидишь всю жизнь?

Харитон. Я?.. Я - никого. Ненависть разрушает душу. Это ещё в Библии сказано. Я всех давно простил, внучок. Всех! И я спокоен. Я чист перед людьми и Господом. Но дьявол всё равно не отпускает меня. Человеческая ненависть всегда была вокруг и сейчас она здесь, рядом со мной... Она и в тебе сидит. И во всех нас. Бойся её, внучок. Бойся!

Сергей. Мне-то кого ненавидеть? Тебя, что ли? У тебя была своя дорога в жизни, а у меня - своя... Хорошо рвать на груди чужую рубаху...

Харитон (*ершисто*). Я себя в грудь никогда не бил и лозунги с трибун не кричал. Это не моё, не для меня.

Сергей (*тихо*). Какие уж тут могут быть трибунные лозунги, с такой-то биографией?

Харитон (*удрученно*). Ну да, ну да... Где уж нам...

Сергей. Я в последние дни много думал... Мне кажется, любой человек до конца своей жизни не знает, на что способен и что в нём заложено природой.

Харитон. Ты прав, Серёжа. Не каждый может, например, наложить на себя руки. Я вот... не смог в своё время.

Сергей. Человек слаб, но он сам выбирает своё будущее. Верно, дед?

Харитон. Верно.

Сергей. Ну, а если человек взялся за гуж, то пусть и не говорит, что не дюж. Так учит пословица?

Харитон. Не дай бог тебе когда-нибудь оказаться на моём месте!

Сергей. Вот поэтому я и пошёл в военное училище. Не хочу горланить патриотические песни в студенческой общаге и втихую косить от армии. Я хочу научиться грамотно воевать, чтобы у нас не было больше ни Афгана, ни Чечни, ни всего остального. А ты... У тебя уже всё в прошлом, дед. И тебе с ним просто так, кавалерийским наскоком, не разобраться, поэтому, не бери в голову! Всё образуется. Всё будет со временем о, кей!.. И не лезь больше, казак, в политику. Она девка продажная, гнусная!

Харитон. Хорошо, что хоть ты понимаешь это. (*Приобнимает Сергея.*)

Сергей (*легонько уходит из объятий*). Ты извини, дедуля, мне пора бежать. Я скоро вернусь. Мне завтра уже ехать, а дел ещё по горло. Пока?

Харитон. Понимаю. Пока!.. (*Сергей уходит. Харитон долго смотрит на письмо в своей руке.*) Значит, не поверили. Не захотели поверить. Значит, лучше было бы, если бы я сдох вместе с остальными миллионами военнопленных в лагере?.. А кто же меня туда сунул, в этот немецкий могильник? Не вы ли, товарищи комиссары и маршалы Советского Союза?.. И отказались, открестились от меня и от миллионов таких, как я. Что же нам было делать, молодым и полным жизни? Сдыхать с голоду во вшивых бараках на потеху арийским вырождакам?.. Господи! (*Крестится.*) Дай мне силы

дожить до конца дней своих и умереть в своём рассудке, чтобы ни на минуту не усомнился я в правильности того, что сделал в своей жизни. Ибо только ты один можешь судить по совести и по правде: действительно ли я виновен или нет. Виновен или нет?.. Виновен?.. Господи, Господи!.. Да сделай же ты хоть что-нибудь! Скажи, кто я в своей стране: друг или враг своим собственным детям? Жене, внукам... *(Плачет.)* Господи!.. Господи, кто я?..

Конец

2004 год.

Александр Толкачёв

Пчёлочка золотая...

Обыкновенная драма

Действующие лица:

Иван Жуков - мужчина 63 лет.

Мария - жена Ивана, около 60 лет.

сыновья Жуковых:

Семён - старший сын, около 40 лет.

Виктор - младший сын, молодой человек небольшого роста, 30 лет.

Неля - жена Виктора Жукова, высокая спортивная женщина, около 30 лет.

Вика - жена Семёна, 35 лет.

Анатолий Дмитриевич - сосед по площадке, около 70 лет.

Селивёрст Анфимович - около 60 лет, но выглядит значительно моложе.

Пётр - школьный друг Семёна, около 40 лет.

Алёна - секретарша Семёна, 20 лет.

Акт первый

Картина первая

Лето. Раннее утро. Гостиная комната в просторной современной квартире. Полумрак. Через широкую раздвижную дверь видна часть прихожей, в которой расположены туалет и ванная. Квартира новая, с современным дизайном и мебелью. На стене большой ковёр, на котором висит казачья шапка в ножнах, кинжал и большой портрет Ивана Жукова в казачьей форме. В “красном углу” небольшой иконостас. В щели зашторенного окна пробиваются лучи яркого солнца. Звенит электронный будильник. Из спальни родителей выходит в пижаме Иван и быстро проходит в туалет. Следом за ним из своей комнаты выходит Виктор в майке и тренировочных брюках, ткнувшись в запертую дверь туалета, возвращается в гостиную, и, подойдя к дивану, закрыв глаза, валится на него. Из спальни родителей выходит заспанная Мария в домашнем халате и в бигудях.

Мария (Виктору). Доброе утро, сынок! (Проходит в ванную.)

Виктор. Доброе, мам! (Зевает.)

Слышен звук спускаемой воды из туалетного бачка. Из туалета выходит Иван.

Иван. Здорово ночевал, сынку!

Виктор. Слава богу, батя! (Встаёт и быстро заходит в туалет.)

Иван (зовёт). Мать!

Мария (из ванной). Чего тебе?

Иван. Ты где?

Мать. В ванной.

Иван. А!.. Ты давай шустрее, нам сегодня надо огурцы с морковью прополоть и всё полить до шестнадцатичасовой электрички. Не забыла, Неля сегодня приезжает.

Виктор (из туалета). Не торопитесь, у неё всё равно поезд в четырнадцать ноль ноль приходит.

Мария выходит из ванной.

Мария (*в дверь туалета*). Без тебя знаем. Ты долго там будешь?

Виктор (*из туалета*). Нельзя уже и подумать в одиночестве!

Мария. Да сиди, думай, только газеты не читай. (*Проходит на кухню и сразу включает радиоприёмник, слышится негромкий бубнящий голос диктора, читающего последние новости.*)

Иван. Тоже мне, нашёл избу-читальню! Читатель!

Иван заходит в ванную, оставляя дверь открытой. Слышится звук спускаемой воды из туалетного бачка.

Виктор (*выходит из туалета*). Между прочим, у Хэменгуэя в сортире была целая библиотечка для чтения.

Иван (*из ванной*). Но ты-то не Хэменгуэй!

Виктор (*подходит к зеркалу и причёсывается*). Пока нет, но, возможно, в будущем...

Иван (*выходит из ванной, в одной руке у него тюбик зубной пасты, в другой - зубная щётка.*) Ну, тогда сиди в сортире, может, что-нибудь и напишишь. Писатель! Лучше бы ты, ей-богу, инженером хорошим стал или тренером, на худой конец. Всё не так заметнее, чем графоман.

Иван выдавливает пасту на зубную щётку.

Виктор (*спокойно*). Всех великих вначале не признавали. Подождём!

Из стойки с обувью Виктор берёт кроссовки и начинает их расшнуровывать.

Иван. Здоровому мужику надо работать на производстве, а не книжки писать. Или бизнесом заниматься. Вон, брал бы пример со старшего брата, давно бы миллионером стал. Да и про что ты пишешь? Про любовь-морковь? Про дешёвые интеллигентские мирихлюндии? Тьфу! Сплошной сюр!

Виктор. Ну, сюр не сюр, а кое-что в литературе я понимаю и умею.

Иван. Если уж писать, то нужно быть реалистом и писать правду-матку про нашу жизнь. А чего описывать какой-то мутный поток сознания, который никому, кроме носителя этого самого сознания, больше неинтересен?

Виктор. Это смотря какой носитель и какое сознание у читателя!

Мария (*из кухни*). Болтать хватит, а то поесть не успеете.

Иван, махнув на сына рукой, идёт в ванную и закрывает за собой дверь, а Виктор уходит в свою комнату. Выходит из кухни Мария и заходит в туалет. Виктор, уже в спортивной куртке, проходит из своей комнаты на кухню. Слышится шум воды, выбегающей из крана на кухне.

Виктор (*из кухни*). Мам, а что-нибудь вкусненькое у нас сегодня будет?

Слышится звук спускаемой воды из туалетного бачка.

Мария (*выходит из туалета*). С огорода ягоду свежую привезу.

Виктор. Да она на югах там объелась, наверное, этих ягод.

Мария. Таких ягод как у меня, нигде больше нет, запомни это, сынок. (*Открывает дверь в ванную.*) Ты скоро?

Иван. Да ты хоть побриться дай спокойно, егоза!

Мария (*заходит в ванную, не закрывая за собой дверь*). И как ты только в армии служил, копуша?

Слышен звук воды, бегущей из крана в ванной.

Иван. Служил, как все. Тоже мне, старшина объявился!

Виктор (*выходит из кухни, что-то жуя и вытирая мокрые руки о куртку*). Я на стадион. Минут через тридцать вернусь.

Виктор снимает тапочки и надевает кроссовки.

Иван. Мы через полчаса уже в автобусе сидеть будем. Не торопись!

Виктор. Тогда попутного ветра!

Мать. Опять всухомятку ешь? Вот испортишь желудок, подхватишь язву, тогда будешь знать!

Виктор. Ага! Буду! До вечера!

Иван. Пока!

Виктор уходит.

Мария. До вечера! (*Выходит из ванной*). Совсем ничего не понимает парень! (*Подходит к зеркалу и начинает снимать бигуди*.) Думала, женится, так хоть что-то в голове прибавится, а у него торичеллиева пустота как была, так и осталась. Вот только и знает, что по стадиону круги накручивать да за компьютером до ночи сидеть.

Иван. Ребёнка им надо. Глядишь, и за ум возьмётся.

В ванной прекратился шум воды, только слышно, как на кухне бубнит радио.

Мария. Ну да! Заставишь их! Я тут как-то заикнулась Неле, так она мне целую лекцию прочитала, почему ребёнка нужно заводить только после тридцати.

Иван (*выходит из ванной и закрывает за собой дверь*). Это им всё ящик поганый внушает американский образ жизни. Мол, если нет коттеджа и лимузина, не нужно и торопиться. А то, что демография страдает в стране, этого они не понимают.

Мария. Да не о демографии речь! Хочется внучков понянчить. У некоторых моих одноклассниц уже и правнуки есть, а у нас? Тьфу! Хоть самой рожай на старости лет.

Иван. А что, может попробовать? Вспомнить молодость, а?

Иван легонько щиплет жену за бок, Мария бьёт его по руке.

Мария. Сдурел, что ли?

Иван. А что? Ты предложила, я согласился. В чем дело-то?

Мария. У тебя всегда только дурное на уме. В чём дело, ещё спрашивает!

Иван. Когда-то тебе это не казалось дурным.

Мария. Нашёл, что вспомнить!

Иван. Так приятно же!

Мария. Ты бы, чем ко мне приставать, лучше с сыновьями политрабоду провёл. Может, у них в головёнке что-то и сработает в положительную сторону.

Иван (*серьёзно*). Не думаю, что поможет. Не в отца пошли, нет! С Семёном так совсем плохо. Ведь, кажется, всё есть: дом, машина, дача, свой собственный бизнес.

Мария. Любви у них нет.

Иван. Любви! За пятнадцать лет можно уже и забыть про любовь. Люди за два-три дня навек друг к дружке прикипают, родными становятся, а тут выкобениваются, выламываются: люблю - не люблю, дам - не дам! Дамки! Тьфу!

Мария. Много ты в любви понимаешь!

Иван. Да уж не меньше твоего! *(Подозрительно смотрит на жену.)* Или, считаешь, меньше?

Мария *(всплёскивает руками)*. Ну, скажи, не придурок ли ты городить такое в наши-то годы?

Иван. При чём здесь годы? И почему, чуть что, сразу придурок?

Мария. По кочану!

Звонит входной звонок.

Мария. Кого это спозаранку нелёгкая несёт?

Иван. Может, Виктор ключи забыл? Сейчас посмотрим.

Иван идёт к входной двери и впускает в квартиру соседа, одетого по-домашнему, в тренировочные брюки и рубашку без рукавов, на ногах у него домашние тапочки.

Анатолий Дмитриевич *(громко)*. Доброе утро, соседи!

Иван *(радостно)*. О! Доброе утро! Проходите, Анатолий Дмитриевич!

Мария, не успевшая до конца сделать макияж и причёску, показывает Ивану кулак и поспешно скрывается в спальне.

Анатолий Дмитриевич. Да я ненадолго. *(Проходит в гостиную.)* Прошу прощение за ранний визит.

Мария выходит из спальни, повязывая на голове косынку.

Мария. Доброе утро, Анатолий Дмитриевич! Ничего-ничего, мы уже проснулись. Садитесь с нами чай пить.

Мария раздвигает шторы и в комнату врывается яркое солнце.

Анатолий Дмитриевич. Нет, спасибо! Ох, как у вас светло, солнечно! А у меня солнышко только к обеду заглядывает.

Мария. Зато оно у вас до самого вечера светит.

Анатолий Дмитриевич. Это точно! Я Виктора из окна увидел на стадионе, понял, проснулись, значит. Дай, думаю, зайду, пока не уехали на дачу.

Мария. Что-то случилось?

Анатолий Дмитриевич. Да ничего особенного, просто хотел спросить, кто-нибудь немецким из вас владеет? Мне тут нужно срочно письмо в немецкую фармацевтическую фирму написать, лекарство у них выписать, а я, как говорится, “не копенгаген”. В школе и в военном училище английский учил, а из всех иностранных слов всё равно помню только “хенде хох” и “шнеллер, шнеллер”!

Мария *(машет рукой)*. Ой, да что вы! У нас в семье тоже все “спикают”. Или, лучше сказать, “спикали” когда-то.

Анатолий Дмитриевич. Жаль, очень жаль!

Иван. Ну, почему все? Я в детстве “шпрехал” немного, но когда это было?

Анатолий Дмитриевич *(обрадовано)*. Так, может, попробуете?

Иван (*хмурится*). Нет! И не просите. Не люблю немецкий и не помню. А главное, не хочу помнить.

Анатолий Дмитриевич (*вздыхает*). Да, многие из нашего поколения не любят немецкий. Но язык-то не виноват, что и плохие люди тоже бывают!

Иван. А никто и не говорит про людей. Просто не люблю и всё тут.

Анатолий Дмитриевич. Бывает! Ну, и на том спасибо! Извините, за беспокойство, я пойду.

Мария. Как-нибудь вечерочком приходите в гости, в картишки перекинемся от нечего делать, по-стариковски.

Анатолий Дмитриевич. Спасибо, не премину воспользоваться приглашением. До свидания!

Мария. До свидания!

Иван. Всего доброго! (*Провожает гостя до двери.*)

Мария (*снова у зеркала*). Хороший человек поселился, заслуженный и одинокий. Надо бы ему среди наших вдовушек кого-нибудь присмотреть.

Иван (*ворчит*). Ещё чего! Свахи только в доме не хватало! Давай, пошевеливайся, на автобус опоздаем!

Мария. Не командуй, не люблю, когда покрикивают!

Иван. На вас не кричать, добра не видать!

Мария. На кого это, на вас?

Иван (*с угрозой в голосе*). Не придирайся, поругаемся! С утра настроение испортят, понимаешь, потом сами же дуются.

Мария. Кто дуется? И что я плохого сделала, что ты на меня окрысился?

Иван. Ладно, замаяли для ясности! Понятно?

Мария. Понятно. (*Подозрительно.*) А ты откуда немецкий знаешь? В институте, вроде, вместе английский учили?

Иван (*смущается*). Да-а... (*Машет рукой.*) Чего болтать зря?.. То же мне, “Знаешь!”... В соседнем лагере военнопленные сидели, от них и научился. На нас, ребяташек, вертухаи внимания почти не обращали, мы и бегали туда-сюда. За пять лет слона на велосипеде кататься учат, а там для нас год за два шёл, как на фронте, вот и заговорил к концу срока по-немецки, как на родном.

Мария. Понятно! Только где ты слона на велосипеде видел?

Иван (*повышает голос*). Сказал, не придирайся, значит, не придирайся! Это образно сказано, для преувеличения.

Мария (*миролюбиво*). Ладно, пойдём, любимый, хлебнём кофеёк и по коням! (*С усмешкой.*) Или, может, по велосипедам?

Иван. Кхм, кхм!.. (*Строго*). Чай вскипятила?

Мария. Спрашиваешь! Даже заварила. Сейчас в термос нальём и айда вперёд!

Иван (*ворчит*). Слава богу, хоть на кухне у тебя сегодня порядок! А то всё только языком в последнее время балобонишь!

Мария. Да ну тебя, с самого утра завёлся ни с чего!

Иван. Ни с чего и прыщ не садится.

Мария. Было бы хорошее место, а прыщ всегда найдётся.

Иван. Правильно, значит нашлось и у меня хорошее место для прыща.

Мария (*усмехаясь*). Покажешь, где?

Иван. Что, прямо сейчас и здесь?

Мария. Да чего уж там, можно было бы и здесь, но... со стриптизом немного потерпим. Пошли завтракать! У нас впереди ещё весь день на всякую дребедень, успеется, покажешь на участке!

Иван. А дома ночью?

Мария (*смеётся*). Ой, какой же вы, однако, неугомонный, Иван Георгиевич! Прямо, как в молодости. С чего бы это? Прямо уж и не знаю! Съели что-нибудь? Или ночью кошмары приснились?

Иван (*лихо покручивая кончики усов*). Прелестнейшая Мария Яковлевна!

Природа шепчет! Казачья кровь своё берёт.
Любви натура просит, душа моя поёт!

Мария. Сам сочинил?

Иван. Спрашиваешь!

Мария. А говоришь, в кого Виктор пошёл? Тоже мне, Пушкин!

Старики, смеясь, и игриво подталкивая друг друга, уходят на кухню.

Затемнение.

Картина вторая

В комнату заходят Виктор и Неля. У них в руках чемодан и сумки. Бросив вещи прямо у двери, Виктор пытается поцеловать Нелю, но достать до её лица не может. Неля не даёт это сделать. Виктор в отчаянии обнимает жену за талию.

Виктор. Боже мой, как мне всё это надоело!

Неля. Что тебе надоело, милый?

Неля освобождается от объятий мужа и переносит чемодан и сумки к стене комнаты. Виктор бежит на кухню, возвращается со скамеечкой, ставит её рядом с Нелей и только тогда буквально впиивается в губы любимой долгим поцелуем.

Виктор. Вот это мне надоело: скамеечка!

Неля. Что делать? Се ля ви!

Целуются.

Виктор. Говорят, наука достигла прогресса и можно увеличить рост сантиметров на пятнадцать.

Неля. И даже на двадцать. И это давным-давно всем известно.

Целуются.

Виктор. Да знаю я всё про эти сантиметры. Бабки отдашь большие, а вдруг я с ростом чего-нибудь потеряю из своих мужских достоинств и ты меня разлюбишь?

Целует Нелю.

Неля. А ты не теряй! *(Озорно.)* Мне скучно будет без моего маленького и весёленького. *(Легонько похлопывает мужа ниже пояса.)*

Виктор. Тебе смешно, а что мне делать? Ноги ломать и вытягивать их по системе Илизарова?

Неля. Вытягивать или протягивать? Вот в чём вопрос!

Виктор. Да не смейся, ты! Я же серьёзно.

Неля *(злится)*. А кто смеётся? Кто смеётся? Ты меня уже достал своей мнимой проблемой! У тебя же комплекс! *(Отходит от мужа.)* Если хочешь от него избавиться, нужно решаться на что-то. Сделай поступок и выкинь комплекс к чёртовой матери!

Виктор. Ну да! Там годами людей вытягивают. Это же столько времени без тебя? Я от тоски сдохну! Ну, пожалей меня. *(Сходит со скамейки, берёт её и ставит возле жены.)* Пожалей, моя кисочка!

Неля. Тогда помалкивай!

Целует Виктора и быстро отходит от него, тот, на мгновение потеряв равновесие, едва не падает со скамейки.

Виктор. Ты что?.. Я же так и сверзиться могу!

Неля. Давай договоримся: или ты продолжаешь всю жизнь таскать за собой скамеечку (кстати, очень красивая штучка!) или ты ложишься на операцию. И в обоих случаях нужно прекратить ныть! Понял? Ты же мужик! Казак!

Виктор. Понял!

Неля. Что понял?

Виктор. Я хочу...

Неля. Таскать скамеечку или?

Виктор. Я тебя хочу! Я целый месяц хочу тебя!

Неля. Ну да, то-то мне на почте бабы твою телеграмму давали и хихикали!

Виктор. А что, телеграмма, как телеграмма.

Неля (*возмущённо*). Вау!.. “Люблю, скучаю, хочу тебя”! Я чуть со стыда не сдохла прямо у окошка.

Виктор. А представь, что было со мной, когда я её отправлял?

Неля. Представляю! Не мог по сотовому то же самое сказать?

Виктор (*нетерпеливо*). На гербовой бумаге оно как-то солидней выглядит.

Неля. Да уж, солидней некуда!

Виктор. Ну, неужели ты не хочешь... сходить в ванну после дороги? Я специально отгул на работе взял, рыбка моя, черноморская. Нам никто не будет мешать целых три часа.

Неля (*шёпотом*). Целых три часа?! А стариков дома точно нет?

Виктор. Нет! Они на дачу с утра укатили.

Неля (*томно*). А спинку потрёшь?

Виктор. Потру!.. Ой, как потру! А можно, я скамейку с собой возьму?

Неля. Бери!

Виктор берёт скамейку. Неля подхватывает на руки и Виктора, и скамейку и, смеясь, уносит их в спальню.

Виктор (*радостно*). Ва-ау!

Картина третья

В доме Жуковых гости, приехал Семён с Викой. В гостиной Неля и Вика тихо болтают на диване, Мария на кухне готовит ужин, мужчины играют в карты и тихонько поют.

Иван (*поёт*). “Как на черный Терек, на высокий берег,
Ехали казаки сорок тысяч лошадей”.

Сыновья подхватывают песню и поют довольно хорошо и слаженно.

“И покрылся берег, и покрылся берег
Сотнями порубанных, пострелянных людей.
Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить.
С нашим атаманом
Не приходится тужить.”...

Мария (*из кухни*). Эй, казаки, собирайте карты, ужинать будем! Девушки, помогите мне!
Неля. Минутку!

Неля и Вика встают и проходят на кухню.

Виктор. Эх, какую песню испортили!

Иван. Ну, ладно! Пора закругляться, мать права.

Иван сгребает карты в кучу и собирает их в колоду.

Виктор. Интересно, чем нас сегодня угощать будут?

Виктор встаёт и ходит по комнате, разминая плечи и торс.

Иван. Супом гороховым без мяса и киселём из отрубей. (*Прячет карты в карман рубашки, встаёт и берёт из серванта водку и сухое вино, затем хрустальные стопки.*)

Семён. А что, изредка можно было бы, пожалуй, для восстановления памяти пробовать и старую кухню.

Виктор. Увольте! Без меня!

Семён. А почему это без тебя? Мы всегда всё коллективом делали. С самого детства.

Виктор. У меня с детства от гороха активное газообразование. Боюсь оглушить окружающих в случае конфуза.

Семён. Ну, ананасы и рябчики в этом доме издревле были не в чести, ешь, что подадут. Кстати, мы торт привезли, будешь?

Виктор. Спрашиваешь! А какой?

Семён. А я откуда знаю? У Вики спроси.

Иван. Да, зажрались вы, сынки, оторвались от народа. Смотрите, как бы чего худого с вами не вышло!

Семён. Всё, что могло произойти в нашей жизни плохого, уже произошло.

Виктор. Ага! Родились не там и не вовремя, не вовремя и помрём, не дожив до пенсии ровно год или полтора. Статистика - жестокая штука, батя! Мужики в России нынче живут мало.

Иван. Так то мужики, а мы казаки! И я не думаю, что всё уже произошло! Жизнь - штука долгая, а пути Господни сами знаете, какие тернистые! Да и времена, как сказал один умный человек, не выбирают. Так что, не гневите, сыны, Господа Бога своим нытьём! Смотрите вперёд со здоровым прагматичным оптимизмом.

Семён. А мы про что тебе говорим?

Виктор. Держи хвост пистолетом, батя! Всё ещё впереди! (*Поёт.*) “Всё у нас впереди! Ля-ля, ля-ля-ля!”...

Выходят из кухни женщины. Впереди Мария с большой жареной в тесте курицей, за ней, почти церемониальным маршем, невестки несут на подносах закуски и посуду. В огромной чашке свежая клубника.

Мария. Внимание! Прекращаем лялякать и переходим к чревоугодию.

Виктор (*восторженно*). Вау! Какие кулинарные излишества!

Иван (*возмущённо*). Что это за дурацкое “вау!”?

Виктор. Почему, дурацкое? Весь Запад так говорит.

Иван. Вот они там у себя пусть так и говорят, а нам Запад не указ. Мы живём на Востоке, поэтому прошу говорить по-русски в моём доме. Понял, сынку? По-русски!

Виктор (*послушно соглашается*). Понял, батя, понял!

Женщины быстро сервируют стол и все привычно встают за столом почти по стойке “Смирно!”, развернувшись в сторону иконостаса.

Иван (*говорит тихой скороговоркой, мелко крестясь на иконы*). “Очи всех на Тя, Господи, уповают и Ты даеши им пищу во благовремени, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животное благоволение”. (*Все молча крестятся и садятся.*) Ну вот, теперь можно приступать к трапезе.

Вика (*вполголоса*). Вы прямо, как настоящий батюшка!

Семён. Да, только бороды и креста не хватает.

Иван. Чую, дети, не ту стезю в своё время избрал в жизни. Не той дорогой по ней прошёл.

Вика. Каждый раз, когда прихожу к вам, слушаю вас и удивляюсь: откуда вся эта... “домостроевщина”? Ведь вы же вполне современный, образованный человек.

Иван. Ну и что? Разве мало современных людей верят в Бога и соблюдают обряды?

Вика. Но не до такой же степени?

Ива. Всё зависит от генов и от настроения самого человека.

Семён. Да, характер у тебя железный.

Иван. А то? Казачий!

Мария (*приказным тоном*). Ну, казак, довольно болтать, давай застольную речь, закуска стынет!

Иван. Во-первых, наливайте, кто что будет пить, и берите закуску.

Виктор берёт бутылку водки и хочет налить из неё Неле.

Неля. Нет, спасибо! Мне немного сухого, а закусывать я не буду. У меня диета. И не надо за мной ухаживать, я сама.

Виктор. Как хочешь!

Мария (*возмущённо*). Это ещё что за новости? Я старалась, пекла, стряпала, жарила...

Вика. Я тоже ничего не хочу.

Мария. Та-ак, значит! Заговор?

Легонько постукивает пальцами по краю стола.

Иван. Ну, у будущего кандидата наук диета, это я понимаю. У неё научный подход к своему здоровью. У тебя-то, Вика, что? При твоей субтильной комплекции врачи пациентам усиленное питание прописывают, а ты, выходит, при общей нехватке веса и всего прочего, лечебное голодание практикуешь? Эх, не я твой муж!

Мария (*Семёну*). Жаль, очень жаль!

Вика. Мне что, сразу уйти или после ужина?

Мария. С чего это вдруг? Обиделась, что ли? Так отец правду сказал!

Семён (*тихо*). Вика, не дури!

Вика. А тебя не спрашивают. Вечно добреньким прикидываешься. Всегда всем угодить хочешь!

Семён (*тихо*). Давай, поговорим дома?

Вика. Давай, поговорим! Давно пора.

Мария. Не ссорьтесь, дети! Мы же вас любим и желаем вам добра.

Иван. Ешьте клубнику, она для здоровья полезная, говорят, кровь обновляет! Мать специально для вас старалась, собирала, везла с участка, повредить лишнюю ягодку боялась, а вы уважить её не хотите.

Вика (*каким-то казённым голосом*). Спасибо, конечно, Мария Яковлевна, за заботу о нас, но мы дома поели. Не есть же через силу?

Семён (*смущённо*). Да, мы немного закусили перед тем, как сюда ехать.

Мария (*укоризненно*). Не могли подождать?

Семён. Ну, так получилось, что делать теперь?

Виктор (*весело*). Родители, не беспокойтесь, у меня сегодня зверский аппетит, я за них за всех с удовольствием зубами поработаю!

Иван. Да, про тебя-то все семеро на улице говорили и в ботало били! Помалкивай, Геракл!

Виктор (*спокойно*). Мне ваши гадости слушать не привыкать, я свой, местный, поэтому, всем приятного аппетита! Вы, как хотите, а я, как знаю!

Виктор руками, обжигаясь, отламывает у курицы ножку, кладёт её на тарелку и туда же накладывает закуску.

Мария (*ворчит*). Только всё настроение испортили. Честное слово, девчонки! Старалась, торопилась!.. (*Ивану.*) Налей водки, отец!

Иван берёт бутылку и наливает Марии водку.

Иван. Кому ещё водки?

Семён. Мне минералку, я за рулём.

Иван. Понятно! (*Виктору.*) Ну, а ты будешь, писатель?

Виктор (*ест*). Спасибо, я на самообслуживании. Не у мачехи рос, сам дотянусь.

Иван. Ишь, какой обидчивый! Давай, держи дальше фасон, пока мы с матерью всё не выпьем! Ну, а вы, девчонки, что сидите, особого приглашения ждёте? Наливайте сами, если мужья совсем не шевелятся!

Семён. Что-то ты, батя, сегодня не в настроении. Что-то случилось?

Семён наливает женщинам вино. Виктор наливает себе водки.

Иван. Да ничего не случилось. Это тебе показалось. Хочу сказать тост.

Звонит входной звонок. Все смотрят в сторону двери.

Семён. Я открою. (*Встаёт и идёт в прихожую.*)

Мария. Кто-то вовремя успел. Говорят, к таким шустрым удача сама в гости напрашивается.

За столом все замирают, в ожидании прихода нового гостя. Семён открывает входную дверь и в прихожую входит Анатолий Дмитриевич, одетый всё так же, по-домашнему.

Анатолий Дмитриевич. Добрый вечер, Семён Иванович!

Семён. Здравствуйте, проходите!

Анатолий Дмитриевич. Да я только спросить.

Семён. Пройдите в комнату, там и спросите.

Анатолий Дмитриевич входит в гостиную и, сконфуженный застольем, останавливается в дверях.

Анатолий Дмитриевич. Добрый вечер!

Все здороваются с ним.

Анатолий Дмитриевич. Кажется, я не вовремя! Извините! Я в следующий раз зайду.

Анатолий Дмитриевич хочет уйти, но натывается на стоящего позади него Семёна.

Иван (*нарочито грубым командирским голосом*). Куда? От нас никто так просто не уходит. По крайней мере, трезвым. Стул гостю и стопку!

Семён приносит стул и ставит его рядом со стариками. Виктор достаёт из серванта стопку.

Семён. Прошу!

Анатолий Дмитриевич. Да что вы, я действительно только хотел спросить...

Иван наливает в стопку водку.

Иван. Запомните, дорогой Анатолий Дмитриевич, в минуты застолья не работаем не только мы, но даже “Мосгорсправка”. Садитесь, сосед, потом разберёмся, чего вы там хотели спросить!

Анатолий Дмитриевич. Ну, что с вами поделаешь? (*Садится за стол*).

Иван. А теперь тост. (*Встаёт*.) Он не совсем обычный, но с намёком. Вот поливал я сегодня огороδικ на даче и думал: а ведь всё, жизнь-то прошла, Ваня, кончилась. (*За столом зашумели*.) Прошу тишины! Да, прошла! А мне ни капельки не жалко! Я прожил её честно, как и подобает настоящему казаку: нигде не сподличал, нигде не словчил. Жил, как все и жил вместе со всеми. Не стыдно предкам в глаза смотреть, когда придёт моё время ответ перед ними держать. И вот хочу сказать вам, молодым, истину, которую понял в жизни: держитесь кучнее, ближе друг к другу. Кучей и батьку побить легче, если, конечно, батька слабак! И никогда, слышите, никогда не роняйте честное имя Жуковых в грязь. Негоже нашу фамилию пачкать, она многими людьми знаменита в прошлом и ещё будет знаменита, если вы по ночам будете меньше спать, а больше работать над нашими внуками. Вот, собственно, и всё, что хотел сказать! Правильно я говорю, мать?

Мария. Грубо, конечно, как всегда, но верно!

Иван. Говорю, как умею! Давайте, выпьем за крепкую семью! За близких по крови и духу людей! За нас с вами!

Виктор. Ура! За ударную ночную смену!

Все (*негромко и шутливо*): Ура! Ура! Ура!

Мария (*толкает Семёна в бок*). Бери встречный план, как стахановец, а то брат обгонит, стыдно будет.

Семён. Не обгонит! Боюсь, отбойный молоток сломает раньше времени.

Виктор. Не сломаю, у нас в шахте система безопасности импортная.

Иван. Ну, хватит о глупостях! Пошутили и довольно!.. Поехали!

Все пьют и закусывают, все, кроме Нели и Вики.

Мария. Ты бы хоть, Неля, рассказала, как отдохнула на море? А то мы с отцом сто лет там не были. Уже и забыли, как море-то выглядит.

Неля. А я хорошо отдохнула! Честное слово! И море было хорошее, и погода стояла чудесная!

Иван. Как там с кавказцами, спокойно всё?

Неля. Да, вроде, спокойно! Честно говоря, я больше за ноутбуком сидела в перерывах между процедурами. У меня ведь целая глава диссертации ещё была не окончена. Поэтому в город не ходила, да одной там и делать нечего, а на пляже всё было тихо и пристойно.

Вика. Там сейчас уже везде полный порядок. Туристов и отдыхающих даже больше, чем раньше. Жалко, у нас нынче нет времени съездить туда.

Мария. Страшно всё же, война рядом, теракты!

Вика. Люди везде люди! И местные тоже там боятся, но живут же!

Иван. Да, люди везде люди! Откуда только террористы берутся?

Мария. Наверное, сама земля их плодит за грехи наши.

Иван. Не за грехи, а за дурость!

Анатолий Дмитриевич. Знаете, а я недавно услышал интересное сообщение по радио. Говорят, учёные скоро ожидают смену земных полюсов. Все электрические механизмы, якобы, крикнутся, потому что произойдёт мгновенная ионизация или озонация воздуха. Точно не помню что! Человеку при этом ничего не будет от смены полюсов, а вот все бензиновые двигатели, кроме дизельных и паровых, встанут. Остановятся заводы, фабрики, фермы... Будет полная катастрофа высокоразвитым странам и технологиям. Вот, интересно, как это повлияет на нашу матушку-Россию?

Иван. А при чём здесь Россия?

Анатолий Дмитриевич. Да вот после этого государственного переворота или тихой контрреволюции, - как хотите, так и зовите! - неизвестно, кем мы стали: высокоразвитой страной, с высокими технологиями, или новой Гвиней Бисау? Очень бы хотелось узнать.

Семён. Хотите сменой полюсов ещё раз страну на крепость проверить? Одного дефолта недостаточно?

Анатолий Дмитриевич. Нет, что вы? Просто интересно, кто мы сейчас?

Виктор. Разве не ясно, кто?

Иван. А вот мне это всё не интересно, потому что мы были и есть русские люди. Мы многое пережили, и многое ещё можем пережить. Только, действительно, не надо нас проверять на крепость. Не надо!

Анатолий Дмитриевич. Да вы что? Я же без всякой задней мысли спросил.

Виктор (*встаёт*). Дозвольте слово сказать?

Иван. Валяй, только по делу.

Виктор. Вы знаете, я тоже сегодня много думал.

Неля (*игриво*). Неужели?

Виктор. Представь себе, да! И вот о чём. Не понимаю, почему мы, как только соберёмся вместе, каждый раз зацикливаемся на политике? Ну, разве нет у нас вечных тем о любви, о прекрасном, об искусстве театра и кино, о музыке? О живописи, в конце концов! Нет бы, спросили девушку о музеях, в которых она, возможно, побывала, о новых фильмах, так нет, подавай вам теракты!

Иван. Ты тост хотел сказать или очередную филиппику отбарабанить? Если последнее, то вот твоя трибуна. Давайте, устроим в квартире маленький Гайд-парк.

Иван берёт стоявшую рядом с ним скамейку и через стол пытается передать её Виктору.

Мария (*возмущённо*). Ну, зачем над столом-то всякой дрянью трясти?

Иван. И то правда! Держи!

Иван ставит скамейку на пол и ногами под столом передвигает её сыну. Виктор, вздохнув, молча садится на своё место. Наступает неловкая пауза.

Семён. Батя, всё же, какая муха тебя сегодня укусила?

Иван. А что я сказал? Что сделал не так?

Виктор. Ладно, давайте лучше песню споём. Мы же одна семья, свои люди, чего обижаться?

Иван. Не споём, а сыграем.

Мария. Не придирайся к словам.

Анатолий Дмитриевич. Ну, я всё же, однако, пойду. Спасибо, за компанию! У вас так всё хорошо, так по-домашнему. Даже завидно. До свидания!

Мария. Так оставайтесь, если хорошо! Чего одному в четырёх стенах сидеть?

Анатолий Дмитриевич. Извините, не могу. У меня ещё дел по горло.

Иван (*вяло*). Может, всё же останетесь? Песню вместе сыграем.

Анатолий Дмитриевич. Да я не пою, не умею, к сожалению. Только всё испорчу. Извините, спасибо!

Иван. Ну, если дела, то конечно!

Иван жмёт руку Анатолия Дмитриевича.

Мария. Всего хорошего!

Все. До свидания!

Анатолий Дмитриевич. Хорошего вам вечера!

Анатолий Дмитриевич уходит, провожаемый Семёном, Виктор сразу же запекает старинную казачью песню:

“По горам Карпатским метелица вьётся.
Сильные морозы зимою трещат.
Проклятый германец на нас наступает
На нашу державу, на крест золотой.
А мой милый чёрный, чёрный, чернобровый,
С германцами бьётся за веру свою.”...

Перед тем, как уйти, Анатолий Дмитриевич с удовольствием прислушивается к пению и с удивлением качает головой.

Анатолий Дмитриевич. Хорошо поют! Молодцы! Какие голоса, какие люди! До свидания, Семён Иванович!

Семён. До свидания, Анатолий Дмитриевич!

Закрыв за гостем дверь, Семён поёт вместе со всеми. Вообще поют все, кроме Вики, которая, с недовольным видом, уходит на кухню, сразу после ухода Анатолия Дмитриевича, взяв из своей сумочки, лежавшей у зеркала, спички и сигареты. Семён, увидев это, примолкнув, идёт на кухню вслед за Викой.

Картина четвёртая

Офис Семёна Ивановича Жукова. Небольшая комната с двумя столами, поставленными в форме буквы “Г”. В кабинете несколько стульев. На столе Семёна ноутбук, телефон-факс и стандартный набор канцелярских принадлежностей. Семён сидит в кресле, в центре маленького стола. На стене, за спиной Семёна, развёрнут государственный флаг России. Из динамиков музыкального центра, стоящего в углу кабинета, приглушённо звучит казачья песня:

“Хотели германцы, чтоб наши казаки
Ихнему престолу служить бы пошли.”...

Семён работает с документами. Входит встревоженная Алёна.

Алёна. Семён Иванович, к вам из прокуратуры.
Семён. Кто?

Дистанционным пультом управления выключает музыку.

Алёна. Пётр Павлович Краснов.

Семён. Ну, так бы сразу и говорила. Родимчик ведь хватить может от неожиданности! Ох, Алёна, вгонишь ты меня в гроб раньше времени!!

Алёна. Так он в форме и строгий весь такой. Серьёзный!

Семён. В форме, говоришь? *(Алёна кивает головой.)* Один?

Алёна. Один.

Семён. Хорошо. Зови!

Алёна уходит и сразу же входит Пётр Павлович.

Семён *(радостно)*. Какие люди в Голливуде! Привет, полковник!

Пётр. Привет!

Семён. Почему не позвонил и почему в форме? У моей Алёнки глаза по полтиннику от твоих погон.

Пётр. На службе положено носить форму.

Семён. Значит, по делам службы? А я думал, просто забежал коньячком побаловаться.

Пётр. Ну, это от нас не убежит. Сначала о деле.

Семён. О каком деле?

Пётр. Да есть тут кое-что на тебя.

Семён. Что, кто-то капнул?

Пётр *(достаёт из портфеля бумаги)*. К нам поступил сигнал, что в твоей фирме есть нелегалы. Вот, почитай!

Семён *(берёт бумагу, читает)*. Чёрт! Настучали всё же... Но здесь же нет подписи. Анонимка получается.

Семён отдаёт письмо Петру.

Пётр. Ну, вот поэтому-то я к тебе и пришёл сам. Приведи всё в порядок, пока кто-нибудь не напишет, как положено, или начальство само не захочет проявить инициативу. Знаешь же, как сейчас к мигрантам относятся.

Семён. Понял. *(Достаёт шоколадку, коньяк и разливает коньяк в стопки.)* Достали меня эти правдолюбы! Присаживайся!

Садятся за стол.

Пётр. Не перегибай палку, и всё будет о,кей!

Семён. Кто перегибает? Все работают с нелегалами. Кто хочет бабки за них платить неизвестно кому?

Пётр. Во-первых, платить за них нужно государству. И ты это прекрасно знаешь. А во-вторых, наверное, не у всех они в таком количестве.

Семён. Ну, это у кого как дело раскручено. Твоё здоровье!

Пьют.

Пётр. А условия проживания?

Семён. Вот это не надо. Не надо! Они знают, на что идут, когда к нам едут.

Пётр. Они же люди.

Семён. Люди? Ты знаешь, что они в первую очередь делают, когда к нам приезжают?

Пётр. Квартиру ищут?

Семён. Нет. Бабу с квартирой.

Пётр. Ну и что? Поставь себя в их положение, что бы ты делал?

Семён встаёт и начинает ходить по кабинету.

Семён. Ты не понял. Они ищут русскую шлюху, чтобы отметить своё присутствие на этой земле своим детёнышем. Как звери метят территорию, так и они это делают своим последом. А наши похотливые самки на это идут.

Пётр. Не понял.

Семён. А чего тут понимать? Обложили нас со всех сторон. Ещё двадцать-тридцать лет и от русских только пыль останется во Вселенной. Растворят нас среди инородцев. У нас уже несколько сот тысяч китайчат от русских мам бегают по России. А через двадцать лет их будут уже миллионы! Миллионы! Пойми, у нас повторяется вариант сербского Косова. Нас завоёвывают без войны. Это завуалированная экспансия! Через полсотню лет мы не сможем удерживать такую громадную территорию и сдадим её без боя.

Пётр. Вот оно что!

Семён. Только не считай меня расистом или, чего доброго, фашистом. Я обыкновенный русский человек и мне плевать на все политические догмы и теории, но я просто вижу, что происходит вокруг меня и меня это бесит. Бесит!

Пётр. А что происходит? Обыкновенная смена общественных формаций и свободное перемещение рабочей силы из одного экономически отсталого региона в другой, более развитый.

Семён. Меня экономика в национальном вопросе меньше всего интересует. Экономикой управляют люди, а человек всегда имеет национальность, даже если её не ставят в паспорте. Можно любой экономически отсталый район за десятилетие превратить в земной рай, но в рай с национальным лицом. С лицом тех людей, которые будут в него вкладывать свои деньги.

Пётр. Всё понимаю, но помочь ничем не могу. Закон есть закон, и его надо выполнять.

Семён. Да подожди ты с законом! Сейчас в стране происходят глубинные процессы, которые коренным образом могут изменить не только физиономию России, но и всего мира вообще.

Пётр. А когда у нас не было этих процессов?

Семён. Вот!.. Правильно говоришь! Россия тем и велика, что в ней сосредоточился клубок мировых проблем тысячелетней давности. И от того, как мы их сейчас будем решать, зависит судьба всего мира.

Пётр. Вполне возможно, но я ещё раз тебе напоминаю, что пришёл не за тем, чтобы говорить о мировых катаклизмах.

Семён. Да легализую я твоих узбеков и китайцев. Легализую! Ты мне вот что объясни, ты хоть понимаешь, что у нас творится?

Пётр. Догадываюсь.

Семён. Это уже хорошо.

Пётр. Но мне не нравится твоя озлобленность.

Семён. Что?

Пётр. Знаешь, злому человеку всегда тяжелее в жизни, потому что он живёт в окружении тех, кого обидел. Гораздо вольготнее чувствуют себя добрые. Им всегда хочется встречаться с теми, кому они сделали добро и даже дружить с ними. Добрые чувствуют себя уютнее среди других людей, комфортнее. Поэтому добрым быть выгоднее для здоровья. Будь добрым.

Семён. Интересная теория. А ты знаешь, что у русских людей происходит смена нравственных полюсов? Мы от основных идей христианства - не укради, не убий, не прелюбодействуй! - переходим к чуждым нам ценностям западного мира, где главное в нравственном кодексе человека - золотой телец. И это может быть опасно не только для русских. Мир вскоре станет однополюсным, диким и злобным. Исчезнет русский менталитет на планете, в основе которого лежит добро, и привычный нам мир начнёт с грохотом разваливаться. И вот здесь-то поневоле придётся определяться, с кем ты будешь добреньким, а с кем злым.

Пётр. И это говоришь мне ты, современный предприниматель? Человек, к которому я пришёл для того, чтобы призвать тебя к совести?

Семён. Я, к сожалению, тоже хочу жить в раю. И не завтра, а сегодня. И не в том мире, который мне готовят мои недруги, а в том, который я построю себе сам. Своими руками. И мой дом будет моей крепостью.

Пётр. Вот видишь, как всё непросто оказывается! За добром прячется зло, а зло, оказывается, творится во имя добра.

Семён. Так всегда было.

Пётр. Ну, я тебя предупредил, а ты сам дальше действуй, как знаешь.

Семён. Спасибо, конечно, за заботу о старом товарище, в долгу не останусь.

Пётр. Пошёл бы ты!.. Пока!

Семён. Пока!

Пётр встаёт.

Пётр. Детей бы тебе трёх-четырёх родить, чтобы в стране демографию поправить.

Семён. И ты туда же! *(Вздыхает.)* Если бы мужики рожали, давно бы родил.

Пётр *(сочувственно)*. Даже так? Извини!

Семён, обняв Петра за плечи, провожает друга до двери.

Семён. Не обращай внимания, перетопчемся!

Неожиданно в кабинет входит Свистулькин, а за ним в дверях появляется растерявшаяся Алёна.

Алёна *(едва не плача)*. Семён Иванович! Я ему говорила, что вы заняты.

Семён *(Алёне)*. Ладно, иди, Алёна! Всё нормально. Этого казака остановить невозможно даже танком. *(Алёна неохотно уходит. Семён останавливает Петра.)* Задержись на минутку, Пётр Павлович! *(Селивёрсту)*. Ну что, входи, казак! Чего в дверях стоишь?

Улыбающийся Свистулькин подходит к Семёну. На Свистулькине офицерский китель времён первой мировой войны, с грязными погонами полковника, из-под растянутого кителя выглядывает тельняшка десантника, на ногах большие разбитые яловые сапоги, зауженное офицерское галифе морского цвета, с ярко-красными генеральскими лампасами, на груди несколько неизвестных орденов. На голове лихо заломленная фуражка с малиновым околышем. На красивом, но диковатом лице топорчатся великолепные чапаевские усы. В Свистулькине чувствуется неумная сила и энергия настоящего степняка: резок в движениях, прямолинеен в суждениях, грубоват и голосом и повадками.

Селивёрст *(весело)*. Здорово ночевали, господа, казаки?

Семён. Да ничего, слава богу, станичник!

Селивёрст обнимает и трижды целует Семёна, Петру просто протягивает руку, но косится на его форму.

Пётр. День добрый!

Селивёрст. Здравствуй, дорогой Семён Иванович! Как я по тебе соскучился, однако! Ты даже не представляешь, сукин ты сын!

Обнимает Семёна.

Семён. Здравствуй, Селивёрст Анфимович, здравствуй! Где пропадал столько времени, атаман? Где странствовал? Присаживайся! Пётр, прошу!

Все трое присаживаются к столу. Семён достаёт третью стопку и разливает всем коньяк. Пётр не даёт ему налить свою стопку до края.

Селивёрст. Здесь постранствуешь! Вот пропадал - это точное слово! Опять меня, понимаешь, менты прессовали по полной программе. Гады, только хочу сесть на землю, настоящим хозяином стать, не дают подняться. Под самые ноги косят.

Семён (*хмурится*). Что опять случилось? (*Поднимает стопку.*) Твоё здоровье!

Все выпивают и закусывают шоколадкой.

Селивёрст. Всё та же история. Ну, ты помнишь, как восемь лет назад они меня закрыли на три года?

Семён. Ну да, что-то припоминаю.

Селивёрст. Тогда корову у соседа приписали, будто я её в лесу заколол, а мясо на базаре продал. Ну, бред! Ну, полный бред! У меня мяса этого - во! Ешь - не хочу! В погребе и соленья, и варенья, и сало, и рыбы всякой навалом.

Семён. Ну, так в чём дело сейчас? Опять корову зарезал?

Селивёрст. Да нет! (*Встаёт.*) Извини, не могу сидеть, осколок в бедре побаливает... Шьют подготовку к вооружённому восстанию в районе центра. Прямо НКВД какое-то!

Семён. Что, так и говорят: восстание?

Селивёрст. Ну, не так, но оружие ищут.

Семён. Какое оружие?

Селивёрст. Вот и я говорю, какое? Соседи стукнули, будто у меня в огороде что-то зарыто, а сам я с пацанами приёмы самбо изучаю. Значит, боевик!

Семён (*раздражённо*). Послушай, Селивёрст Анфимович, может, пора серьезнее становиться? Ну, чего ты на рожон прёшь? Чего себя подставляешь?

Селивёрст весь последующий монолог старается говорить Петру.

Селивёрст. Да не подставляю я себя, сами наезжают. А у меня с головой не всё в порядке. Сам же знаешь, не могу я адекватно воспринимать действительность. Так и врачи в справках пишут: неадекватен. Вот с самого Вьетнама всё перевёрнуто в моей черепушке. И тело всё переломано и мозги перемешаны. Я же весь по кусочкам шит заново ещё с тех самых времён. Как нас Б-52 напалмом в джунглях пробомбили – всё, что-то во мне сломалось! Я ведь один из ребят тогда живой остался. Из целой группы в тридцать человек. Молодые сильные ребята, диверсанты профи. Мы по американским тылам ходили. Шорох наводили и технику их обворовывали. Секретное вооружение снимали. Когда к своим выходили, нас накрыли и те, и другие. Меня скала спасла. Первые бомбы были фугасные, вот меня взрывной волной и перекинуло за скалу, припёрло к каменной стенке намертво, этим

и спасся. А так бы, поминай, как звали Селивёрста Анфимовича! Следующая волна бомбовозов кидала уже напалм. А я в это время без сознания в естественном укрытии, как мешок с дерьмом лежал, с переломанными костями. В полной отключке почти месяц в госпитале валялся. Это меня потом наши поисковики нашли, когда по нашим следам искать кинулись. Боялись, что кто-то из нас к американцам в плен попасть может. Представляешь, какой международный скандал мог бы выйти? Может, из-за этого по нам из гаубиц и долбили, чтобы следов от нас не осталось. Ох, и возненавидел я отцов-командиров за это! Ох, возненавидел! Хотя сам после этого первое офицерское звание получил.

Семён. Ну, ладно, ладно! Знаю я все твои истории.

Селивёрст (*неожиданно напористо*). Ты, кстати, обещал приехать погостить. Помнишь? Когда приедешь? Мы с тобой на рыбалку ходим. А ружьишко возьмёшь, так и в тайге пошныряем. Говори, когда приедешь?

Семён. Как только, так сразу.

Селивёрст. Нет, ты мне скажи, когда приедешь? У меня все в гостях побывали, только ты всё отнекиваешься.

Семён. Сколько тебе повторять, цейтнот у меня. Времени совсем нет.

Селивёрст. У тебя сроду времени нет! А так бы пошли, взяли винишка кубанского - сто двадцать метров от моего дома в ларьке кубанцы торгуют, - салца достали бы, огурчиков из погреба! У меня огурчики мировые! Сам солю. Особый рецепт от бабки достался. Раньше-то у меня все бывали в гостях: и помощник губернатора, и мэр, и военкоматовцы, и казаки-атаманы, а сейчас, как бомбанули менты подчистую, - никого нет. Хоть ты приезжай! Отдохнёшь! По утрянке на рыбалку ходим, бредешком по доньшку поскребём, глядишь, стерлядку или кострючков зацепим.

Семён. Ты лучше расскажи, что у вас там, в деревне? Как живёте, как дела?

Селивёрст. Да, какие дела? Догниваем помаленьку. Последний хрен с сухарями доедаем. Совсем захирели. Я вот что думаю! (*Тихо.*) Мне бы где-нибудь пару стволов достать, я бы там кое-кого мочить начал. Совсем, суки, отбились от рук! Мочи уже нет. Издеваются над народом, никого не боятся.

Семён. Что, совсем уж и управы на них никакой нет? Взял бы коллективное протестное письмо накатал, или ещё какое заявление пустил вверх по начальству. Вдруг, поможет?

Селивёрст. Да я бы написал и ещё кое-что похлеще бы устроил, да вот (*Стучит кулаком по лбу.*) бестолковка моя не работает. Как во Вьетнаме первый раз по голове шархнуло, я с тех пор временами напрочь отключаюсь. А потом ещё в Афгане добавил. Там у духов в горах меня спровоцированной лавиной засыпало, два часа ребята откапывали. В Чечне тоже мурцовки хватил! Ну, ты же всё сам знаешь! Чего я тебе рассказываю?

Семён. Знаю. С чем пришёл?

Селивёрст. Хочу ментам козу сделать. Они же у меня всё растащили, как только закрыли на зоне. Вернулся, а во дворе ни тракторов, ни техники, ни животины. Сплошной тридцать седьмой год. Раскулачили вчистую. А я вот взял и опись сделал по памяти всего, что у меня в хозяйстве было. Свидетелей нашёл. Вот и хочу сдёрнуть со скотов за самоуправство. Они же должны были охранять моё имущество, пока я сидел по их вине. Так в законе прописано.

Семён. Думаешь, они это сами по своей инициативе делали?

Селивёрст. Конечно, нет. Указивка сверху пришла: посадить и разорить. Я их тогда шибко гонял. Они меня боялись. Ох, боялись! У меня же и стволы были. Из Чечни привёз. Если бы пикнули, враз завалил. Менты потом в огороде с миноискателем искали. Всё нашли: и винтарь с оптикой, и гранаты, и патроны... У меня и ребята крепкие были, целая сотня, не меньше.

Семён. А сейчас они где?

Селивёрст. А! *(Махнет рукой.)* Нет пастуха, и всё стадо разбрелось куда попало. Поможешь с ментами?

Семён. А не поэтому ли они тебя сейчас прессуют, что ты сам на них наезжаешь?

Селивёрст. Может, и поэтому. Одного всегда топтать легче.

Семён. Ясно. Тогда тебе серьёзный человек в помощь нужен. Да, кстати, я вас не познакомил. Это мой школьный товарищ Пётр Павлович. Помощник областного прокурора. Он-то тебе и поможет.

Селивёрст *(вначале опешил, затем расвирипел)*. Предупреждать надо, Семён Иванович!

Семён. Прости, не успел. Да ты не беспокойся, он свой человек. Нашенский! Из казаков.

Селивёрст. Может быть, может быть! Но дюже я осторожный стал после отсидки и тебе советую. Бдительность, она не помешает в жизни. Ну ладно, я пойду, однако, господ казачьи! *(Встаёт.)* На днях, как-нибудь, загляну. Помощь твоя нужна, Иванович, твоя, а не нашенского человека.

Семён. Заглядывай, буду рад помочь!

Селивёрст. До свидания!

Пётр. До свидания!

Семён. Всего доброго!

Селивёрст поспешно уходит.

Пётр. Кто это?

Семён *(разводит руками)*. Казачий атаман из области. Представитель народа.

Пётр. Что-то я не припомню, чтобы мы у казачков оружие изымали.

Семён. И я тоже. Зато разговоров об этом... *(Наливает себе коньяк.)* Будешь?

Пётр. Нет! А кого он там мочить хочет?

Семён *(выпив коньяк)*. Не обращай внимания, он уже лет пятнадцать кого-нибудь да мочит. С головой, атаман, не шибко дружит. В последнее время особенно.

Пётр. Ну-ну! Ты смотри с ним, поосторожнее, а то и я не отмажу.

Семён. Если за столько лет не залетел...

Пётр. Я тебя предупреждаю не просто так. У меня у самого заморочки в конторе. Запросто могут отправить на пенсию до срока. Понял?

Семён. За что?

Пётр. За многое. И за казачество в том числе.

Семён. За казачество? Ты же с нами никогда не светился.

Пётр. Деда светились. А кое-кому это до сих пор, как кость в горле. Бросал бы ты это потешное воинство, брат! Нашему государству настоящее казачество не нужно, а играть в вольные казаки-разбойники - детство какое-то! Что ушло, то ушло и поминать нечего! Будет настоящая государева служба, можно и казачество возрождать, а нет... У тебя семья, бизнес, могут быть проблемы.

Семён. Тебе хорошо говорить, ты всё-таки далёк от этого, а я... Не всё так просто в нашем деле, Петя. Не всё просто! Завяз я по уши с казачеством.

Пётр. С такими атаманами, как этот, у вас всё не просто было, есть и будет.

Семён. Да, какой он атаман? Разве не видишь, кто он?

Пётр. У меня такое впечатление, что все вы немножко такие. Кстати, откуда этот герой?

Семён. Ты думаешь, я знаю?

Пётр. Ну, ты же столько лет с ним знаком.

Семён. Вот именно, знаком! А кто он на самом деле, откуда? - он и сам, наверное, уже не знает! Так, болтается с места на место, как перекасти-поле.

Пётр. А с виду вполне вменяем.

Семён. Я или он?

Пётр. И я тоже. Связался с тобой!.. *(Смотрит на часы.)* Я тебе попозже позвоню, ты мне подробнее расскажешь об этом фрукте. Хочу посмотреть по базе данных, кто он на самом деле.

Семён. А стоит ли?

Пётр. Не люблю играть втёмную. Да и ты, наверное, не просто так нас с ним свёл.

Семён. Это точно. Если сможешь, помоги ему! Жалко человека.

Пётр. Я так и понял. *(Встаёт.)* До свидания, атаман!

Семён. До встречи, казак!

Пётр Павлович уходит.

Картина пятая

Всё тот же кабинет. В кабинете Семён работает с ноутбуком, входит Алёна, приносит какие-то бумаги.

Алёна. Семён Иванович, можно мне сегодня пораньше уйти?

Семён. Зачем?

Алёна. Мне нужно заявление в ЗАГС подать.

Семён. Ого! Поздравляю! И кто твой избранник?

Семён встаёт и подходит к Алёне.

Алёна. Один хороший парень. Вы его не знаете.

Семён. Счастливчик! Ну, что ж, я не возражаю. На свадьбу только позови. Я такой подарок вам приготовлю! Расшибусь в лепёшку, а тебе понравится.

Алёна. Да я и так бы пригласила, без подарка!

Семён. В котором часу тебе нужно уходить?

Алёна. Да хоть сейчас.

Семён *(смотрит на часы)*. Ну, ладно, что делать? Иди! Всё равно сегодня предпраздничный день, никаких дел уже наверняка не будет. Счастья тебе и побольше детей!

Алёна. Скажете тоже! Спасибо, за всё! *(Алёна неожиданно обнимает и целует Семёна в щёку. В это время незаметно входит Вика.)* Вы такой хороший, я так вас люблю!

Семён. И я тебя тоже люблю, Алёна! Ты прекрасный работник и добрый человек. Счастья тебе и побольше денег!

Вика *(громко)*. У вас производственное совещание или рабочий день уже закончился?

Семён и Алёна смущены нелепостью ситуации.

Семён. О, привет, дорогая!

Алёна. Здравствуйте, Виктория Эдуардовна!

Семён. Вот, Алёна замуж выходит, в ЗАГС идёт заявление подавать. Поздравь невесту!

Вика *(сухо)*. Поздравляю!

Алёна. Извините, я так разволновалась! Семён Иванович, вы мне просто как родной отец! Я так много от вас видела добра, что...

Семён. О чём ты говоришь, Алёна? Иди, а то опоздаешь! Только потом скажи точную дату, чтобы мы могли всей фирмой подготовиться заранее. Девишник устроить, или как у вас там сейчас проводы невесты называются?

Алёна. Обязательно устроим и мальчишник, и девишник. Я вас обоих приглашаю на свадьбу.

Семён. Спасибо!

Алёна. До свидания!

Семён. До свидания!

Алёна уходит.

Вика (*язвительно*). Поздравляю!

Семён. С чем?

Вика. С дочерью.

Семён. Хозяин и должен быть для работников отцом родным.

Вика. Особенно, если работники молодые девчонки. И много у тебя таких дочерей в нашей фирме?

Семён. В нашей фирме таких хороших девушек много.

Вика. И сколько ты из них поимел?

Семён. Наша фирма не занимается сексуальными услугами. Не глупи!

Вика. Фирма - да, а ты?

Семён. Прекрати! Ты же знаешь, я тебе не изменял, не изменяю и не собираюсь изменять.

Вика. Допустим! А сколько у тебя было до меня женщин?

Семён. Я же тебя не спрашиваю, сколько мужчин было у тебя?

Вика. И правильно делаешь, всё равно не скажу.

Семён. Ну, а почему тогда тебя так волнуют мои женщины из прошлого? Почему?

Вика. А волнуют твои бывшие бабы потому... Что ты и сейчас держишь у себя гарем не хуже любого шейха.

Семён. Ты не больна случайно? Запомни: любовниц у меня нет! Я занят целыми днями на работе, зарабатывая тебе на побрякушки и на тряпки. Это и есть мой самый настоящий секс на стороне.

Вика (*язвительно*). Ну-ну!.. Нет, я не больна. Я здорова, это вот у тебя что-то точно не в порядке в организме.

Семён. В каком смысле?

Вика. В прямом. Твои родители ненавидят меня, потому что я не могу родить ребёнка. Не могу выносить его. А может, в этом не я одна виновата?

Семён. Да брось ты про родителей! Отец всегда был с нами грубоват, это его способ воспитания из мальчишек мужчин: по-спартански, по-казачьи. Разве ты его не знаешь?

Вика. Знаю!

Семён. А последний раз просто что-то у него случилось, даже не понимаю что, вот он и стал выкобениваться. Они же любят тебя и желают нам добра.

Вика. Они-то любят, а ты?

Семён. И я люблю. Очень люблю!

Вика (*жёстко*). Тебе нужно провериться у врача андролога.

Семён. Зачем?

Вика. Выкидыши тоже имеют свою причину.

Семён. Ну, хорошо, давай проверимся. Что для этого нужно?

Вика. Тебе нужно сходить и сдать семя на анализ.

Семён. А как-то по-другому нельзя провериться?

Вика. Нет, нельзя!

Семён. Хорошо, схожу. Что ещё?

Вика (*деловито оглядывает кабинет*). Хочу знать, где ты здесь спишь со своими девками? Места, вроде, маловато! Разве только на столе?

Семён. Ты что, издеваешься?

Вика. А ты думаешь, я поверю в твою невинность, после того, что увидела?

Вика решительно идёт к выходу и закрывает дверь изнутри.

Семён. Зачем это?

Вика. Я хочу тебя.

Семён. Здесь?

Вика. Да, здесь.

Семён. У нас что, нет своей постели?

Вика. А мне плевать! Я хочу тебя здесь и сейчас, как все твои бабы.

Семён. Вика!

Вика. Ва-ау!

Вика выключает свет.

Семён. Ну что ты творишь, Вика? Вика!

Вика. Вау!

Картина шестая

Кабинет Семёна. Входит Селивёрст Анфимович. Он всё в той же неизменной одежде, но только без погон.

Селивёрст. Здорово ночевали, уважаемый Семён Иванович!

Семён. Слава богу, Селивёрст Анфимович, хорошо!

Селивёрст. Оно и к лучшему.

Обнимает и троекратно целует Семёна.

Семён. У меня, к сожалению, времени мало, давай сразу к делу.

Селивёрст. Что, атаман, и чайком не попоишь?

Семён. Присаживайся! *(Включает импортный электрический чайник. Первым садится за журнальный столик.)* Тебе какой: чёрный или зелёный?

Селивёрст. А мне любой, только крепче. Люблю всё прочное. От земли. Кофе не пью, давление замучило.

Семён. Ну-ну! Заварка свежая, полчаса назад заваривали.

Семён быстро разливает заварку из заварного чайника.

Селивёрст. Меня батя, когда в два года на лошадь первый раз посадил, приказал крепче за гриву держаться и не падать. А если падал, он плакать не давал. Мог и плёткой зацепить по хребтине, но это уже когда я постарше стал. Настоящий казак был, батя. Извели, сволочи, комуняки!

Семён. Сколько сахара?

Селивёрст. Сам положу. Когда в Афгане служил, от жары только зелёным чаем и спасались. А в зоне чефир - главное угощение. Привык чаёвничать, а на воле сердчишко схватывать стало. Бросил!

Семён. Здоровье беречь надо. Уже не мальчик, ведь!

Селивёрст. Ничего, мы ещё повоюем! Как в Чечне.

Семён. Ты снова там побывал?

Чайник вскипел, и Семён разливает кипяток по чашкам.

Селивёрст. Ага! Вот тоже, дурак, зачем туда пошёл? Лишнюю дырку только схлопотал. Во, куда меня шарахнуло! *(Показывает на плечо).* Насквозь прошило. Снова всего переломало. Я тебе как-нибудь рентгеновские снимки покажу - ахнешь, живого места нет. Мне врач говорит: тебя давно уже списать надо, с такими ранениями не живут. А я живу! Меня снова ребята на Кавказ зовут. Как думаешь, поехать?

Семён. Такие вопросы каждый решает сам. Самостоятельно.

Селивёрст. Верно. Хочу официально по контракту наняться и своих пацанов с собой взять, на обкатку. Если возьмут, конечно.

Семён. Много у тебя людей?

Селивёрст. Десятка полтора наберётся

Семён. Чем я тебе полезен буду?

Селивёрст. Вот у меня тут... *(Достаёт из большой сумки толстую папку.)* Все мои болячки. На инвалидность документы оформляю, на вторую группу. Отксерокопировать сможешь?

Семён. Давай! *(Громко.)* Алёна! *(Входит Алёна. Передаёт ей бумаги.)* Отксерокопируй.

Алёна. Сейчас не смогу, Семён Иванович, работы много.

Семён. А когда?

Алёна. Завтра утром.

Семён. Хорошо! *(Селивёрсту.)* Время терпит?

Селивёрст. Я через неделю планирую уехать.

Семён *(Алёне)*. Сделаешь завтра. *(Алёна уходит, взяв папку с бумагами. Семён Селивёрсту.)* Придёшь завтра часам к десяти?

Селивёрст. Приду, если не забуду. Голова подводит, всё в ней перепутано, сдвинуто... Везде справки надо, а я даже не знаю, куда кому нести. Скажут, а я тут же забываю. Но я в этом разберусь! Я во всём разберусь.

Семён. Надеюсь.

Селивёрст. Эх, если бы только не мешали!

Семён. Кто тебе сейчас-то поперёк дороги, стоит?

Селивёрст. Всё те же! И менты, и власть, и прокурор! Вот мне бы до Кисловодска добраться! Там ребята всегда оружие предлагают. Взять бы стволы и сюда, разогнать всё это ворьё!

Семён. И через неделю тебя бы зарыли в болоте вместе со стволами.

Селивёрст. Ну и что? Неделя, да моя! Многим бы я тут рога посшибал! Ох, многим!

Семён. Ну, ладно, приходи завтра. Сегодня времени нет.

Селивёрст *(встаёт)*. Понимаю, понимаю! Без обиды! Ты только мне вот ещё помоги составить писульку в администрацию района.

Семён. О чём?

Селивёрст. А я вот тут вкратце описал мою ситуацию.

Даёт Семёну лист бумаги.

Семён *(читает)*. Что? Ты когда казачьим генерал-майором стал? И кто тебя выбирал атаманом войска? И где? И что это за войско?

Селивёрст. Так в прошлом годе и выбрали, и звание присвоили. Ты же не ходишь на сходы и круги, потому и не знаешь ничего. А войско наше. Вот нигде пока погон достать не могу. И корочки новые нужны с гербами. Не сможешь?

Семён. Нет.

Селивёрст. Да ты не боись, Семён Иванович, у меня и бумаги все есть. Всё официально.

Семён. От кого бумаги?

Селивёрст. Оттуда бумаги. *(Показывает пальцем в потолок.)* С собой только войсковая печать. Во! *(Вытаскивает из обложки паспорта тонкий кружок резиновой печати, дышит на неё и прилепляет к чистому листку бумаги, который берёт со стола. Показывает оттиск.)* Видел, какая блямба получается?

Семён. Ладно, атаман, до завтра!

Селивёрст *(напористо)*. Так ты когда ко мне приедешь? А то все были, только ты один никак не едешь! Порыбачим, самогона попьём. Бабу колхозницу найду самую ядрёную!

Семён. Потом поговорим. Всё, пока!

Селивёрст. Завтра приду! Прощевайте, Семён Иванович! *(Уходя.)* Береги себя, Сеня! Отдыхай больше, а то станет твоя светлая голова, как моя бестолковка, что делать будем?

Селивёрст уходит. Семён стоит и в полной растерянности смотрит на оттиск войсковой печати. Входит Алёна.

Алёна. Зачем вы его принимаете, Семён Иванович?

Семён. Сирых и убогих сам Господь привечал.

Алёна. Не буйных же?

Семён. Кто знает, какие мы с тобой, Алёна? Может, такие же, как и он, только с другим знаком.

Алёна. Каким это знаком?

Семён. Да это я так. Будешь ксерокопировать его бумаги, обрати внимание, на болячки. Такие в городской подворотне не заработаешь. Что у нас сейчас запланировано?

Алёна. Две встречи. У Алексея Фомича Голованова и у Слонова через сорок минут. И ещё. Там из “Паруса” в приёмной сидят.

Семён. Сами пришли?

Алёна. Да.

Семён. Интересно, зачем! Ну, что ж, зови!

Без стука входит Вика.

Вика. Семён, мне надо с тобой поговорить.

Семён. Что-то случилось?

Вика. Случилось!

Семён. Извини, Вика, у меня сейчас очень важная встреча, если можно, подожди минутку в приёмной.

Вика. С кем встреча? С ней? *(Кивает головой на Алёну.)* С твоей секретаршей?

Семён. Алёна, выйди, пожалуйста!

Вика. Алёна, останься!

Семён. Вика, пока ещё я директор фирмы и только я имею право давать приказы своим работникам.

Вика. Или своей подстилке.

Алёна. Что?

Вика. Что слышала, дорогуша!

Семён. Вика, сейчас же извинись!

Вика. Ещё чего?

Алёна. Не нужно извиняться, Семён Иванович! Я вижу, Виктория Эдуардовна чем-то расстроена и немножко не в себе. Вы тут разберитесь между собой, а меня, извините, люди в приёмной ждут. Только потише, пожалуйста, там всё слышно.

Вика. А это уж как получится!

Алёна уходит, плотно закрыв за собой дверь. Последующий разговор между супругами происходит на повышенных тонах, иногда доходя до криков.

Семён. Ты что меня позоришь перед девчонкой и перед людьми?

Вика. Перед девкой, с которой ты спишь!

Семён. Сдурела, что ли? Она почти на двадцать лет меня младше.

Вика. Конечно, я старуха, по сравнению с ней! Тебе молоденькую в постель подавай!

Семён. Давай, успокоимся и поговорим без истерик. Зачем пришла?

Вика. Поговорить!

Семён. Дома не могла?

Вика. Дома у нас с тобой больше нет.

Семён. Что случилось?

Вика. Да ничего особенного, так, мелочи жизни!

Семён. Это уже интересно! Так зачем ты пришла, всё-таки?

Вика. Я только что получила анализы.

Семён. Ну и?

Вика. У нас не может быть детей. Никогда! И виноват в этом ты! Только ты! Подонок!

Семён. Стоп! С чего это вдруг у нас не может быть детей? У тебя же был выкидыш в прошлом году.

Вика. Это был не выкидыш, а заурядный аборт. Не обольщайся, не от тебя.

Семён. Что?!

Вика. Что слышал! У меня был небольшой курортный роман. Лёгкий флирт с красивой женщиной.

Семён. Курортный флирт?

Вика. Да. Не делай, пожалуйста, удивлённые глаза, на курорте все этим занимаются. Иначе, зачем туда ездить? Думаешь, Нелька диссертацию по ночам на курорте писала? У неё там, наверное, такой ноутбук был, твоему братцу век до него не дорасти!

Семён *(спокойно)*. Продолжай, не отвлекайся! Я внимательно слушаю. Очень внимательно!

Вика. А что тебе ещё остаётся?.. Ты перестал обращать на меня внимание, и я решила... Одним словом, у нас всё произошло на море. И я поняла, что ты... Что у нас с тобой не может быть детей.

Семён. А те два аборта, которые ты делала в первые три года нашей совместной жизни, они что, тоже не от меня?

Вика. Слишком много времени прошло с тех пор, Сёма. Я была молодая, глупая, да и времена тогда были смутные, тяжёлые. Нужно было выживать, и я выжила. С твоей помощью. Спасибо, тебе за это! А сейчас всё иначе. Конечно, у нас могло быть и дальше всё хорошо, но ты совсем не обращал на меня внимания! А я красивая женщина и меня нужно уметь любить. Да-да, уметь любить! Но ты опять не хотел этого понимать. Ты был вечно занят своими проблемами, вечно вне дома, а если и дома, то вечно на телефоне. *(Плачет.)* А тебе надо было просто лечиться и больше обращать на меня внимания, как на женщину. Надеюсь, теперь ты понял свою ошибку?

Семён. От чего лечиться? Ты трахалась летом на курорте, пока я здесь крутился, разгребая наезды братвы, и ты же меня обвиняешь в невнимании? Ты же знала, что у меня в бизнесе проблемы! Серьёзные проблемы! И ты бросила меня, уехала с каким-то первым попавшимся козлом развлекаться на море, а теперь в чём-то винишь меня?

Вика *(продолжает плакать)*. Твои проблемы ничто перед той проблемой, которая была у нас с тобой все эти годы. Я, как настоящая женщина, понимала это трагичнее, чем ты, и острее. Да, острее! Для меня семья - главное в жизни! И дети... Дети...

Семён. Ну, вот что, трагическая женщина, пошла бы ты!.. И чем быстрее, тем лучше. А ребёнка... Ребёнка я найду, кто мне родит.

Вика *(быстро перестаёт плакать)*. Эта дрянь? *(Показывает рукой в сторону приёмной.)*

Семён. Может, и она, тебе-то какое дело?

Вика *(вытирает слёзы платком)*. Хорошо! Только не забывай, что по закону половина твоего бизнеса - моя. Ведь я совладелица нашей фирмы.

Семён. Ах, вот в чём дело!

Вика. Да! Всё дело в этом, представь себе! И по большому счёту, ты должен быть мне благодарен, что я не заказала тебя бандитам, как это делают некоторые умные жёны, а даю шанс жить и, возможно, даже остаться в бизнесе.

Семён. Спасибо, благодетельница! Спасибо! Может, и прошлогодний наезд твоих рук дело?

Вика. Может!

Семён. Так вот, оказывается, почему братки на прощание посоветовали мне сменить постельные принадлежности в доме. А я-то всё думал, к чему бы это?

Вика. Подонки! Только и могут, что языком трепать. Зря деньги на них спалила. Ну, что ж, я всё сказала, Семён Иванович. Заявление о разводе и о разделе имущества уже в суде. Скоро тебя вызовут туда повесткой. Из дома я уйду. Меня не ищи, я тебя сама найду, когда захочу. Прощай, урод!

Вика уходит, аккуратно закрыв за собой дверь.

Семён. Прощай, постельная принадлежность! Господи, как же я её... Как же я её не разглядел за пятнадцать лет? Слепец! Влюблённый слепец!

Стучит кулаком по столу, от удара неожиданно срабатывает пульт управления музыкальным центром, лежащий на столе. Из динамиков громко звучит знакомая песня:

“Жинка погорюет, выйдет за другого,
За маво товарища, забудет про меня.
Жалко только волю да широко поле,
Жалко мать-старушку да буланого коня”...

Конец акта

Акт второй

Картина седьмая

В кабинет Семёна входит Селивёрст Анфимович с двумя папками бумаг. Он необычно строг и даже суров. На его плечах погоны генерал-майора, на голове папаха. Семён более резок, чем всегда и явно чем-то раздражён.

Селивёрст. Ну, спасибо, брат! Век не забуду. И дивчина у тебя дюже гарная. Не твоя?

Семён. К сожалению, нет. Мы её на днях замуж выдаём.

Селивёрст. Вот оно что! Надо поздравить невесту.

Семён. Поздравь, ей будет приятно.

Селивёрст. Что же ты такую красоту чужому дяде отдаёшь?

Семён. Сердцу не прикажешь!

Селивёрст. Понятно! Здравствуй, Семён Иванович! Поздравляю с выходом Закона о казачестве!

Семён. Спасибо, Селивёрст Анфимович, но это всего лишь...

Селивёрст. Никаких но! Закон есть, значит, нужно работать с ним, какой бы он ни был.

Семён. Ясно, “господин генерал”!

Селивёрст. Значит так, я сегодня срочно отъезжаю к себе, там у меня дел по горло. А тебя попрошу сделать проект приказа, который, когда приеду, подпишу. В приказе нужно отразить следующие пункты. *(Задумывается.)* Первое!.. Приказываю всем атаманам сделать отчёты о проделанной за последние десять лет работе. Что сделано, как сделано, кем сделано! Второе. Какие деньги привлекались в работу за эти годы, как и кем растрочены. Третье. В течение месяца подготовить и провести Большой войсковой круг. Перед кругом провести Совет атаманов. Ты не ухмыляйся, а запоминай. Понятно?

Семён. У меня память хорошая, запомню.

Селивёрст. Атаманам всех организаций необходимо наметить перспективный план работы на ближайшие полгода и войти в контакт с областным руководством. Я думаю, сделать ответственным за это тебя. Потянешь?

Семён. Попробую.

Селивёрст. Подготовь приказ, а я приеду подпишу, поставлю печать и... Я их, сук, заставлю работать! И наших раздалбаев, и в Белом Доме! Ты будешь у меня начальником штаба. Твоя голова и моя энергия сделают доброе дело. Я везде могу пройти. Меня они не остановят. Меня только направить нужно в правильное русло и мы горы свернём. Договорились?

Семён. Договорились!

Селивёрст. Эх, времена настают весёлые, а у меня моя бестолковка плохо работает! Хорошо, что ты рядом. Вместе мы многое натворим! Ну, я пошёл! Прощай, брат!.. Да, у тебя какое звание?

Семён. Капитан запаса.

Селивёрст. Это ты в армии капитан, а у меня будешь полковником. Поздравляю, господин полковник с новым званием!

Семён. Спасибо, господин генерал-майор!

Селивёрст. Подготовь приказы о присвоении звания и о назначении, я подпишу. Господи!.. Вот голова-то бестолковая! Я же к тебе не просто так. Я же к тебе по делу.

Семён. И в чём проблема?

Селивёрст. Я же последние полгода в психушке лежал. Да не тарась так на меня глаза! Законопатили, скоты, понапрасну! Я тебе говорю! Хату у меня в деревне разграбили менты напрочь, вот, хочу в город перебраться. У тебя нет возможности квартиру мне здесь купить?

Семён. Нет. Я сам, наверное, скоро бомжом стану.

Селивёрст. Чего это так?

Семён. С женой развожусь, впереди делёжка имущества и фирмы.

Селивёрст. Понятно! То-то смотрю, настроение у тебя не рабочее. Вот бабы, ячмена мать! Раньше взял бы плётку и поучил уму-разуму, а ноне нельзя, по судам затаскают! Меня-то моя вот так и засадила первый раз за решётку. Да!

Семён. Ты сколько раз сидел, Анфимыч?

Селивёрст. Три. И все три раза ментовская подстава. А ты, как думал? Они знают, что если таких, как я, не упрячут за решётку, мы им кровя пустим нешуточную. Юшкой не один кровосос умоется!

Семён. Ладно, Селивёрст Анфимович, прощай, у меня дел по горло.

Селивёрст. Понимаю. Последнее. *(Доверительно.)* Не вздумай меня предать! Пока меня нет, здесь ты главный. Я вернулся, ты - моя правая рука. Идём строго по прямой. От меня ни на шаг. Шаг в сторону и тебе крышка. Мы с тобой, брат, скоро такие дела творить будем, город вздрогнет! Да что город, область взорвётся! Согласен?

Семён *(едва сдерживаясь)*. Послушай, “генерал”, тебе кто дал право так со мной разговаривать? Я что, давал какие-то обещания, клятвы, расписки?

Селивёрст *(растеряно)*. Так мы же, вроде, договорились.

Семён. Договорились?.. До чего? Всё, что мог, я для тебя сделал и сделаю ещё многое без всякого договора, как человеку, а не как... “казацкому генералу”. Ты понял меня? Понял, спрашиваю?

Селивёрст *(злобно)*. Понял. Вот теперь понял. Не дурак!

Семён. Вот и отлично! Уходи!

Селивёрст. Хорошо, что объяснились на берегу. До того, как. Ну, прощай, брат! Прощай! Дай бог, чтобы мы с тобой больше не встретились на узкой дорожке. Не разойдёмся! Ой, не разойдёмся!

Семён. Я думал, ты меня поймёшь правильно.

Селивёрст. Я и понял тебя правильно, изменник казачества! Пожалеешь, ой, как пожалеешь, Семён Иванович!

Селивёрст уходит. Семён автоматически включает музыкальный центр.

Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон разольётся,
Там сердце девичье забудется
С восторгом чувств не для меня.

Входит Алёна и останавливается в проёме двери, прислонившись к косяку. Она тихо плачет, глядя на Семёна, не замечающего её.

Не для меня цветут сады,
В долине роща расцветает
Там соловей весну встречает,
Он будет петь не для меня.

Картина восьмая

Квартира Жуковых. За большим столом Мария, Иван, Виктор и Анатолий Дмитриевич играют в подкидного дурака. На столе стоит начатая бутылка с водкой и простенькая закуска: колбаса, сало, хлеб, огурцы и помидоры. Анатолий Дмитриевич одет в военную форму без погон, на нём военная рубашка с длинными рукавами и офицерские брюки навыпуск, на груди три ряда орденских планок, на ногах домашние тапочки.

Мария. Господи, господи! Что происходит в нашем мире! Последние дни, видно, наступили.

Мария кидает карту Ивану.

Иван (*отбивается*). Чего разохалась-то? Чем тебе опять власти не угодили?

Мария. А чего хорошего они нам сделали? Пенсия мизерная, кругом ворьё и болтуны! Народ вымирает! Фашисты и хулиганы по Москве колоннами маршируют! С нашими братьями украинцами и то мир не берёт. Вот с чего жизнь-то хорошая у нас будет? С чего? Телевизор послушаешь, так так тошно на душе становится! Скорее бы в могилу, чтоб не видеть ничего больше.

Виктор кидает отцу карту, Иван отбивает её.

Виктор. Вот этого они от нас и добиваются. Миллионы уже туда спровадили, демографический кризис в стране объявили... (*Кидает ещё карту и отец снова отбивает её.*) Отбой!

Иван собирает карты и отбрасывает их в "отбой".

Анатолий Дмитриевич. Да, опустили народишко до самого доньшка! Это вы правы, Мария Яковлевна!

Иван (*Кидает Марии карту*). Отбивайся!

Мария (*внимательно рассматривая свои карты*). Спились все, скурвились и продались дьяволу! В городе бардак, село гибнет. Я вот, как житель-патриот своей деревни, еду на родину и отвожу в школу книжки, старую одежду детям, продукты со своей

пенсии старикам. По знакомым в городе хожу, собираю у крутых, кто не жадный, и отвожу всё на свои собственные копейки в деревню.

Мария отбивает карту и ей Виктор и Иван тут же подкидывают ещё.

Виктор. Общественница ты наша неугомонная! Советская власть по тебе скучает.

Иван. И Красный крест тоже! Вместе с полумесяцем.

Мария. Да ну, вас! Когда это было, чтобы город кормил село?

Мария отбивает карты. Ещё одну карту подкидывает Анатолий Дмитриевич.

Анатолий Дмитриевич. Никогда не было.

Мария задумалась над игрой, пробует смотреть карты в "отбое". Выкладывает все пришедшие к ней карты в ряд и долго присматривается к ним, сверяя со своими. В то же время ведёт активно разговор, на время как бы даже забывая про игру.

Мария. А у меня на селе все родственники старики беспомощные, всем помогать надо. Насмотрелась, как простые люди живут. Слез уже нет! Горбатились всю жизнь, горбатились и дожили до светлых дней! Вот вы, Анатолий Дмитриевич, при чинах до пенсии были, пост высокий занимали, поди, и друзья в нынешней власти остались?

Анатолий Дмитриевич. А куда ж без них? Остались, чёрт бы им в печёнку! Пристроились у новой власти за пазухой. Живут припеваючи, не то, что я.

Мария. Так я вот и говорю, вы бы хоть им-то при встрече сказали, что, мол, народ против конфликта с Украиной. Надо, мол, контакты налаживать между славянами. Севастополь-то хоть и далеко теперь, а всё равно нашенький, русский. Как его этим оранжистам отдавать? У меня отец там погиб в сорок втором. И у Ивана тоже на Украине отец сгинул.

Анатолий Дмитриевич (*удивлённо смотрит на Ивана*). Вот оно что!

Мария уверенно отбивает все карты.

Мария. Да! А то мы так глотки друг другу скоро рвать будем.

Анатолий Дмитриевич. К тому идёт, к тому и двигается.

Мария. Страшно-то как жить дальше становится! Отбой!

Все молчат, Мария откидывает карты в "отбой".

Иван. Ничего, переживём! И не такое приходилось видывать.

Анатолий Дмитриевич. Оно, конечно, так, но больно уж не хочется, чтобы это позорище долго длилось. Загубят, подлецы, страну, загубят вконец!

Мария. Всё, я вышла.

Бросает последнюю карту Анатолию Дмитриевичу и радостно показывает пустые руки.

Виктор. Я тоже.

Виктор бросает карту Анатолию Дмитриевичу, тот пытается отбиться. Иван продолжает игру.

Иван. Да разве только одни эти её душили? вспомните историю России, кто из наших царей заботился о простом мужике? Кто не гнобил и не давил свой народ?.. (Анатолию Дмитриевичу.) Вы, уважаемый, проиграли.

Иван кидает последнюю карту.

Анатолий Дмитриевич. Ну и семейка! Куда я попал? Облапошили старика, хорошо, что не на интерес играем.

Анатолий Дмитриевич собирает карты и тасует их. Иван разливает водку по рюмкам.

Мария. Боже упаси с деньгами связываться!

Виктор. Играть нужно учиться лучше. Почаще приходите, научим.

Иван. Было бы чему учиться? Вот у этих, кто наверху сидит, нужно учиться, как всех обманывать. Вот шельмы! Вот шулера!

Анатолий Дмитриевич. Политические проходимцы. А ведь их всех советская власть выучила, вырастила и на должности поставила. Возвысила непомерно над народом. А они? Что они с нами сделали?

Иван. Ну, вздрогнем! Как говориться, чтоб им пусто было!

Все пьют и закусывают.

Виктор. К концу советской власти, я так думаю, все были коммунистами по своему внутреннему мироощущению.

Иван. Ну, я бы так не сказал.

Виктор. Но так было, было. Ведь никто не хотел того, что произошло. Все хотели элементарной перестройки плохого старого на хорошее новое. Вот её и дали нам, эту новую жизнь. Только простой-то народ хотел слегка перестроить верхушку общества, оставив всё доброе советское, нетронутым, а ему подсунули верхушечный переворот. Власть из идеологической в считанные дни стала финансовой, экономической. Из развитого “сицилизма” страна разом прыгнула в дикий капитализм. И, как оказалось, это почти одно и то же: те же яйца только в профиль. Был секретарь обкома, стал олигархом местного разлива.

Анатолий Дмитриевич. А то и настоящим олигархом, как братья Чёрные или Черномырдин. Правильно понимаешь ситуацию, Витя. Молодец!

Иван. Эх, молодость, молодость! Всё-то вы понимаете, всё-то вы знаете!

Виктор. Богаты мы едва ль из колыбели ошибками отцов!

Иван. Ты это брось! Не так всё просто в нашей жизни.

Мария. Всех обманули, всех задурили! Чего здесь сложного-то?

Иван. А чего себя травить, когда всё пролетело, словно пейзаж за окном скорого поезда? О будущем думать надо. О будущем!

Анатолий Дмитриевич. За окном сейчас пролетает такой пейзаж, Иван, что, того и гляди, залетит в твоё купе какая-нибудь дрянь, после которой ни тебя, ни твоего уютного гнёздышка уже не будет.

Иван. Послушайте, вот где у меня всё это, вот где сидит! Я устал от политики, устал от пустых разговоров. У меня сердце больное и я не хочу травить себя нашими болячками, иначе точно сыграю в ящик до времени. И так уже все нынешние сроки пережил. Мужики нынче, говорят, в пятьдесят девять дохнут, а мне уже за шестьдесят.

Мария. Господи, помолчал бы! Только-только на пенсию вышел и уже в ящик захотел!

Анатолий Дмитриевич. Вот оттого, Иван, что вся страна такая, как ты, у нас всё это и творится.

Иван. А я какой? Какой я?

Анатолий Дмитриевич. Ты сам знаешь, какой: трусливый и политически безграмотный. Впрочем, как и все мы вокруг.

Иван (*мрачнеет*). Почему это я трусливый?

Анатолий Дмитриевич берёт карты и начинает их тасовать.

Анатолий Дмитриевич. Ты уж извини, сосед, но не активный ты какой-то! Не боевой! И шире нужно смотреть на жизнь, Ваня, глубже пахать, тогда и жить лучше будем. Порядка в стране нет, а мы молчим. Дисциплины нет, а нам плевать. Законы не работают, ну и что? Молчать, молчать не нужно, а в набат бить! На улицу выходить.

Виктор. Вы знаете, я вот думаю, почему мы все такие говоруны? Все всё знаем, обо всем порассуждать можем, а толку никакого.

Анатолий Дмитриевич. Ну и почему, как думаешь?

Раздаёт карты.

Виктор. А потому, думаю, что слишком умные. Коммунисты научили нас историческому материализму, научили смотреть на исторический процесс в его развитии и мы, понимая всё в глобальном историческом масштабе, теряемся, когда сами осознаём, где же мы-то с вами сейчас находимся. На каком реальном этапе исторического развития прозябаем.

Анатолий Дмитриевич. Мысль интересная, но этап у нас один: в тюрьму нужно сажать больше, тогда ложки дешевле на свободе будут, а про инфляцию напрочь забудем. Вот вся политика и вся экономика страны. Сталин был прав: нет человека, нет и проблем. Шлёпнуть всех олигархов и всех, кто с ними страну грабил, и дело с концом! А жили при Иосифе Виссарионовиче не в пример лучше.

Иван (*угрюмо*). Вы так считаете?

Анатолий Дмитриевич. А как же! Я хоть и маленький был, а помню. Порядок был, дисциплина была. Каждый сверчок знал свой шесток. Всё было учтено, всё рассчитано. Сытно жилось народу. У нас даже во время войны американская тушёнка со стола не выводилась.

Виктор. А кто ваши родители были?

Анатолий Дмитриевич. Мы потомственные защитники государства. Отец мой тоже в органах служил, в НКВД.

Иван (*стучит кулаком по столу*). А ну, пошёл отсюда вон, вертухай чёртов! Это, может, из-за таких, как ты и твой отец, народилась нынешняя сволочь, а порядочные люди в то время по тюрьмам скитались.

Анатолий Дмитриевич. Что? (*Бросает карты на стол*). Что ты сказал?

Мария (*испуганно*). Да что это вы, мужики, завелись? Прекратите! Соседи ведь!

Иван. Вали отсюда, я сказал! Пока ты со своим папашей от пуза обжирался на казённых сталинских харчах, я в это время голодный с матерью в эмгэбэвской комендатуре каждую неделю отмечался. Вали, говорю отсюда, полковник!

Анатолий. Вот оно что! Вспомнил, значит, вражье отродье, кто ты на самом деле есть?

Иван. Я знаю, кто я есть. Знаю!

Анатолий Дмитриевич. Нет, ты не знаешь! Это я знаю, кто ты. Говоришь, отец погиб на фронте, мать одна тебя воспитывала? А вот это видел? (*Показывает кукиш.*) Ваня Жуков! (*Смеётся.*) Ты такой же Жуков, как я командарм Рокоссовский! Я перед тем, как сюда переехать, у всех соседей родословную до пятого колена по картотеке проверил: кто где родился, когда крестился, на ком женился.

Иван. Видно птицу по полёту, а подлеца по его делам.

Анатолий Дмитриевич. Что, не ндравится, когда за живое задевают?

Иван. Не люблю, когда раны солью посыпают.

Виктор. Что случилось-то, в чём дело?

Анатолий Дмитриевич. А ни в чём! Просто Иван Георгиевич немножко приукрасил свою биографию. Как он правильно говорит, родился он в лагере. Но его родитель, никогда не был на фронте, а был заурядным паханом на зоне. И срок пахану дали не по пятьдесят восьмой статье, а за вооружённые грабежи и убийства. И казаком он никогда не был. Он просто атаманил в шайке отбросов общества, и сам был конченным отморозком.

Иван. Заткнись!

Анатолий Дмитриевич. Заткнись? Долго я терпел тебя, долго к тебе присматривался! Хватит! Придумал красивую сказку и, думаешь, все в неё поверили? Отец - казак, мать - невинно пострадавшая женщина-грузеница. Стахановка ещё бы сказал!

Виктор. А что, разве это не так?

Анатолий Дмитриевич. Нет, не так! Твой дед, Витя, бандит конченный, трахал твою бабушку, которая была немецкой баронессой, в грязном бараке под страхом смерти и за пайку хлеба. После чего и появился на свет наш уважаемый Иван Георгиевич Жуков.

Мария. Что?

Анатолий Дмитриевич. Что слышали! Мать Ивана Георгиевича сидела в лагере по пятьдесят восьмой статье, как диверсантка и немецкая шпионка. Она до войны была переводчицей в Саратовском военном училище и передавала всю секретную информацию немцам. И настоящее её фамилия...

Иван. Я убью тебя. Убью!

Иван вскакивает, но его удерживают Мария Яковлевна и Виктор.

Анатолий Дмитриевич. Вот, вот его настоящее лицо! Фашистское нутро, наконец-то, прорвалось наружу! Какой ты Ваня Жуков, ты же Иоган Фрицлер. Мать тебя специально именем чеховского ублюдка назвала, чтобы следы от НКВД замести. Но от нас не скроешься, нет! Не скроешься!

Виктор. Это правда?

Анатолий Дмитриевич. Да! У меня и документы в копиях имеются. Могу показать, если хочешь удостовериться.

Виктор (*обалдело*). Вот это сюрприз! Чего же ты столько лет-то молчал, отец? Спасибо, Анатолий Дмитриевич, за то, что раскрыли глаза на родословное дерево. Успокойся, отец, всё нормально. Всё нормально! Успокойся! Это же такое дело открылось! Такое дело!.. Так, батя, слушай внимательно! Сегодня ты мне всё расскажешь подробно о бабушке и завтра же мы пойдём оформлять документы на выезд в Германию. Завтра же!

Иван. Что?

Виктор. Что, что? Я немец по бабушкиной линии, вот что! И я не хочу больше жить в этой проклятой богом и людьми стране. Зов предков, вот что это! Тикать отсюда надо, батя, тикать!

Анатолий Дмитриевич. Яблоко от яблони не далеко падает! Тьфу, на вас!

Уходит.

Иван. Ты, что сказал? Я не понял.

Виктор. Я сказал, батя, что пора делать отсюда ноги. Ты пойми, мы сейчас находимся в стадии дикого капитализма, когда главным человеком в стране является бандит. На

всех уровнях бандит, какими бы словами и чинами его ни прикрывали. Пройдёт не одно поколение, пока этот бандит превратится в нормального человека. Ты что, надеешься здесь жить и страдать ещё сотню лет? Я, к счастью, не такой оптимист. Я хочу уехать отсюда и жить в нормальном человеческом обществе. В нормальном!

Иван неожиданно даёт Виктору пощёчину.

Виктор (*удивлённо*). За что?

Иван. Это тебе привет от бабушки баронессы.

Картина девятая

Квартира Жуковых. В гостиной яркий свет, в комнате собрались все Жуковы, кроме Вики. Посредине комнаты стоят три чемодана, сумка и скамейка. Иван и Мария сидят за столом, Семён стоит у окна, Виктор и Неля сидят на стульях у стены. Все молчат. Настроение собравшихся не самое лучшее. В последующем разговоре Виктор напорист и, как всегда, энергичен, а Иван, наоборот, сломан происходящим, хотя и пытается казаться бодрячком, опираясь, в разговоре с сыновьями на прежние права мифического главы казачьего семейства.

Виктор. Ну что, так и будем сидеть и молчать?

Иван. Не песни же петь?

Виктор. А почему бы ни спеть?

Мария. Помолчи, певец!

Неля. Ну, мы же не навсегда. Мы будем приезжать. Не понравится, совсем вернёмся.

Иван. Что-то не видел я вернувшихся оттуда.

Семён. А кому хочется возвращаться в страну, где нет ни закона, ни морали?

Иван. Кто вам мешает самим оставаться и моральным, и законопослушным? Кто?

Семён. Пусть хоть весь мир в дерьме, зато я весь в белом и чистом! Так, что ли, по-твоему?

Иван. А хотя бы и так! Человек прежде всего должен думать о своей совести и чести, а затем уже о всемирном падении морали и нравственности.

Виктор. Какая совесть? Какая нравственность? О чём ты говоришь?

Иван. О Боге, который сидит в каждом из нас.

Виктор. Да брось ты, батя! Бог давно забыл нас.

Иван. Не богохульствуй!

Виктор. Не каждый может дать себя растоптать во имя мифических идеалов. Не каждый! Лично я, например, хочу жить не в борьбе за красивое будущее, а простой человеческой жизнью. И я не хочу однажды оказаться там, где была бабушка только потому, что кому-то показалось, что она была чьим-то шпионом. Царство ей небесное на том свете! Ей и всем страдальцам. (*Крестится.*)

Иван (*после значительной паузы*). Я понимаю, когда туда едут настоящие немцы, но ты-то... Ты даже языка не знаешь. Ты же русский писатель! Русский!

Неля. Язык выучим! Там курсы есть. Да и здесь мы порядочно натаскались за последние месяцы.

Иван. Вот именно, “натаскались”. А кем работать будете? Там наши дипломы не котируются.

Виктор (*раздражённо*). Ну, сколько раз можно повторять одно и то же? Я попытаюсь пристроить в издательство свою рукопись. Она уже почти готова. Могу тренером пока где-нибудь устроиться или ещё где. Работы я не боюсь. А Неля - новоиспечённый кандидат наук, будет преподавать где-нибудь или работать в лаборатории. Если поедете с нами, вам пенсия будет идти от немцев, и не такая, как здесь. Проживём!

Иван. Об этом не может быть и речи.

Мария (*решительно*). Ладно! Наматывают соплей на кулак, узнают почём фунт лиха - вернуться. А не вернуться - значит, так и должно быть.

Виктор. Наконец-то, первые умные слова за всё время.

Мария. Вы только вот что, вы как почувствуете, что на ноги становитесь, вы первым делом внучонка мне сделайте. Если сможете.

Виктор. Да запросто сможем! (*Неле.*) Сможем ведь?

Неля (*уклончиво*). Посмотрим.

Виктор. Там власти, говорят, к этому совсем по-иному относятся, чем в России. По государственному! Почему бы и не родить? Я так запросто!

Неля. Совсем чокнулся?

Виктор. А что я сказал?

Звонит входной звонок.

Иван. Кто бы это?

Виктор. Я открою.

Виктор уходит в прихожую и выпускает в квартиру Петра, одетого по-зимнему.

Виктор. Привет! Проходи!

Пётр. Привет!

Виктор и Пётр проходят в гостиную.

Пётр. Здравствуйте!

Иван. Здравствуй, Пётр!

Семён. Привет!

Неля. Здравствуй!

Мария. День добрый, Петруша!

Пётр. Значит, отбываем?

Виктор. Да!

Пётр. Ну, что ж, вольному воля, спасённому - рай! Во сколько самолёт?

Виктор. Через три часа.

Пётр (*смотрит на часы*). Ну, полчаса у нас ещё есть. Семён, а ты чего носишься по комнате? Выйдем, разговор есть!

Семён с Петром выходят в прихожую и говорят вполголоса. В гостиной снова повисло тягостное молчание.

Семён. Что за разговор?

Пётр (*тихо*). Твоего атамана взяли.

Семён. Селивёрста?

Пётр. Да.

Семён. За что?

Пётр. За язык. Пришёл в районную администрацию, стал права качать, грозить. Ну, его и забрали. Когда проверили, спрятали в психушку.

Семён. Надолго?

Пётр. Кто его знает! Врачи определяют.

Семён. Надо сходить, проведать.

Пётр. Зачем? Это ему не поможет.

Семён. Не о нём речь. У меня на душе неспокойно: нагрубил ему последний раз, а зря. Знал же ведь, кто передо мной!

Пётр. Если так, сходи. У меня ещё новость.
Семён. Говори.
Пётр. Я ушёл из прокуратуры.
Семён. Сам?
Пётр. Вроде того! На пенсию спровадили по выслуге лет, как я и предполагал.
Семён. Вот оно что!
Пётр. Двадцать лет честно отпахал и... нате вам, награда.
Семён. И куда теперь?
Пётр. Пока никуда, но... Есть тут одно местечко.
Семён. Говори, чего мнёшься!
Пётр. Мне предложили стать областным реестровым атаманом.
Семён. Вот это финт! Новый атаман Пётр Краснов в масштабе одной области? Не слишком ли это узнаваемо?
Пётр. Может, на то и расчёт?
Семён. Может, хотя нынешняя молодёжь уже не знает этой фамилии. И кто предложил?
Пётр. Губернатор.
Семён (*удивленно*). Сам?
Пётр. Конечно, нет.
Семён. Понятно. Одной рукой, значит, карает, а другой?
Пётр. Ничего не скажу. Вполне возможно, что это сложная многоходовка, но, в любом случае, не думаю, что они меня обрадуют в конце интриги. Карты могут оказаться краплёными.
Семён. И что ты решил?
Пётр. Пока ничего. Хотел с тобой посоветоваться, атаман.
Семён. Со мной?.. Я, видишь ли, по вновь открывшимся обстоятельствам, теперь и не казак выходит.
Пётр. Не комплексуй, Семё! Казак он всегда казак. И не столько по роду, сколько по духу. Жизнь тебя ломает, а ты не ломаешься, значит, наш брат, станишник!
Семён. Это для тебя я станишник, а для всех - иногородний.
Пётр. А где они были, эти все, когда ты столько лет рогом в стенку упирался? Сидели под бабьими юбками и помалкивали. Вот пусть и дальше помалкивают, а мы дело будем делать, если в нём есть хоть капля пользы казачеству и России.
Семён. Подумать надо. Не нравятся мне все эти подковёрные игры с реестром. Ох, не нравятся!
Пётр. Мне тем более!
Семён. Знаешь что, давай, поговорим после проводов? Прикинем, что к чему, тогда и решим.
Пётр. Давай!
Семён. А если что-то нас не устроит, беру тебя к себе. Бабками не обижу.
Пётр. Договорились.
Семён. Мне хорошие юристы теперь просто необходимы. Все суды с моей бывшей любимой ещё впереди. Я даже, как видишь, живу не у себя, а у родителей.
Пётр. Ничего, брат, повоюем! Двое не один, в обиду не дадим!
Семён. Здесь, главное, нужно просчитать, кого они могут вместо тебя поставить, если ты откажешься. У нас и своего дерьма хватает, а тут подкинут какую-нибудь чиновную бестию, потом не отмоешься.
Пётр. И такое может быть. Ладно, пойдём, неудобно долго шептаться. Поговорим ещё, успеем!
Семён. Конечно, поговорим! Пойдём!

Пётр и Семён возвращаются в гостиную.

Иван. А ты свою рукопись здесь почему не мог пристроить?

Виктор. Во-первых, романа ещё нет в законченном виде. Его нужно шлифовать и шлифовать. Во-вторых, кому сейчас в России нужна литература, где нет порнухи, но есть трезвый взгляд на нашу жизнь? И, в-третьих, чего ждать от страны, которая так легко расстается со своими самыми верными гражданами?

Иван. Верные не бегут за кордон.

Виктор. Правильно! Если их не гонят туда пинками всеми возможными способами. В том числе и экономическими.

Иван. Говорил тебе, налегай на математику, хорошим инженером мог бы стать, а хорошие инженеры и здесь нужны.

Неля. Не уверена. Могу привести десятки примеров обратного.

Виктор. И потом, не важно, кто ты по специальности, важно, чтобы ты был по-настоящему творческой личностью.

Семён. Да хватит вам! Не надоело?

Виктор (*Семёну*). Понимаешь, батя считает, что если я писатель, то я не человек. А я творец! Да, творец, творческая личность! И это очень высокое состояние человеческой души.

Неля. Даже церковь считает творческого человека выше ангела. Ангел всего лишь безропотный исполнитель воли Бога. И, может быть, именно поэтому Господь Бог даёт истинным творцам испытания на земле, чтобы воздать им затем на том свете сторицей за их прозрения высшего смысла жизни через земные страдания.

Пётр. Какая красивая мысль! И как великолепно оформлена! Bravo, bravo, Нелечка! Но о том свете нам пока думать рановато, у нас и на земле дел хватает. Правильно я говорю?

Мария. Ещё чего! Пока внука не выращу до школы, и думать об этом не буду!

Иван (*смотрит на часы*). Хоть думай, хоть не думай, а придёт пора - собирай манатки! (*Тяжело вздыхает.*) Время, дети! Присядем на дорожку и помолчим каждый о своём. А я возьму бабушкину икону и благословлю вас в дорогу. Видит Бог, я так хотел, чтобы мы всегда все были вместе! В одной куче. Одной семьёй!

Виктор молча уступает место Петру, а сам садится на скамейку поближе к Неле. Семён присаживается на свой стул у окна. Иван идёт к иконостасу, берёт икону и, неожиданно, не дойдя до отъезжающих, останавливается, затем быстро садится на свой стул, отвернувшись от всех. Его плечи при этом слегка подрагивают.

Виктор (*тихо*). Господи, что же это такое? За что нас так? За какие грехи?

Неля обнимает Виктора и прижимает его голову себе, как обычно это делают матери со своими детьми. Неля закрывает глаза и отчаянно поёт, начиная едва слышно:

“Пчёлочка золотая,
Что же ты журжишь.
Ой, жаль, жалко мне,
Что же ты журжишь.

Все вначале смотрят на неё с удивлением, а затем начинают подпевать, в том числе и Виктор.

Около летаешь,
А прочь не лятишь.
Ой, жаль, жалко мне,

А прочь не лятишь.
Али верно любишь
Любушку мою.
Ой, жаль, жалко мне,
Любушку мою.”...

В конце песни хор набирает силу и его звучание усиливается, после чего внезапно пение обрывается и мгновенно гаснет свет.

Конец